

СОЗЕРКО
МАЛЬСАГОВ

ЯДСЖИЕ
ОСТРОВА

СОЗЕРКО
МАЛЬСАГОВ

АДСКИЕ ОСТРОВА

СОВЕТСКАЯ ТЮРЬМА
НА ДАЛЬНЕМ
СЕВЕРЕ

ПЕРЕВОД
С АНГЛИЙСКОГО
ШАХБУЛАТА
ЯНДИЕВА

НАЛЬЧИК
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
«ЭЛЬ-ФА»
1995

Спонсор Мальсагов Магомед Сафарбекович

М $\frac{4702220400-053}{T43(03)-95}$ без объявл.

ISBN 5-88195-131-X

© Издательский центр «Эль-Фа», 1995

ПРЕДИСЛОВИЕ

Всякая книга, подобно человеку, имеет свою неповторимую судьбу, порой счастливую, а порой и трудную, обреченную на вечные скитания в поисках добра, справедливости. К сожалению, именно так сложилась жизнь книги, которую ты, читатель, держишь в руках. По сути, она повторила нелегкий путь своего автора, жизнь которого, без преувеличения, можно назвать легендой. Хотя, если бы его судьба была иной, не было бы и этой книги...

* * *

Ингуш Созерко Артаганович Мальсагов, бывший офицер царской, а позже и добровольческой армии, одним из первых совершил (в 1925 г.) дерзкий побег из Соловецкого лагеря особого назначения (СЛОН), перебравшись, затем, и за границу Советского Союза. F! 1926 году его книга под названием «Адский остров. Советские тюрьмы на дальнем Севере» вышла в Лондоне на английском языке. Это было едва ли не первое документальное свидетельство о существовании «раковой опухоли» (ГУЛАГа) на теле молодого Советского государства. Метастазы ГУЛАГа только начали распространяться, и С. Мальсагов сумел разглядеть опасность, какую таит в себе создаваемая советской властью система лагерей. И ударил в набат. Книга буквально потрясла западного читателя. Автор задолго до появления воспоминаний А. Солженицына, В. Шаламова, Л. Разгона, других узников сталинских лагерей поведал миру о чудовищных условиях, в которых находятся заключенные в советских лагерях.

В ряде стран Европы в средствах массовой информации появились заявления, обращения возмущенных читателей- к советским руководителям. Последние же попытались убедить мировую общественность в том, что книга Мальсагова это ложь и клевета на советскую действительность. Сталин и его окружение попытались обмануть мировую общественность лживыми репортажами, фото- и киноматериалами «представительных» комиссий и «опытных» журналистов.

Автор книги был объявлен врагом советской власти, его имя было предано анафеме, советские чекисты не единожды совершали на него покушения. Под давлением таких обстоятельств он был вынужден переезжать из одной страны в другую.

Вторую мировую войну С. Мальсагов, будучи офицером польской кавалерии, встретил в бою. Однако в 1939 году войсками фашистской Германии был взят в плен и вывезен в офицерский лагерь в Германию. Но и здесь он не прекращает борьбы. Совершает побег из лагеря. Польским движением Сопротивления перебрасывается во Францию, где продолжает действовать в составе диверсионных групп. После окончания Второй мировой войны с 1946 года и до конца жизни (умер в 1976 году) он жил в Англии.

Прошло долгих 65 лет, прежде чем российский читатель получил возможность познакомиться с книгой С. А. Мальсагова «Адские острова». Когда в 1990 году я впервые прочитал эту небольшую книжечку, она

буквально потрясла меня. По своему подходу, глубине изучения проблемы, проникновения в психологию людей, обреченных в Соловецких лагерях на медленную смерть, книга заслуживает самой высокой оценки.

Задолго до падения советской власти С. Мальсагов пророчески писал: *"И если мое свидетельство будет достойным обсуждения и признано как часть гигантского обвинительного приговора, который русский народ, все человечество, история и Бог, без сомнения, предъявят Советской власти, я буду считать свой долг выполненным"* (подчеркнуто мною.— В.-Г. Т.).

Сегодня с уверенностью можно сказать, что автор «Адских островов» до конца выполнил свой долг не только перед ингушским, но и перед другими народами, одним из первых поведав миру о трагической судьбе миллионов людей, ставших заложниками советской системы.

Невозможно без боли в сердце читать страницы исповеди С. Мальсагова о бесчеловечности, жестокости лагерных палачей. Хотя ругать палачей за их действия — все равно что критиковать вампира за кровопийство. Со страниц книги на нас смотрят бессердечные роботы, бесчувственные, тупые, безмозглые и безжалостные изверги — нелюди, плоть от плоти породившей их системы. Усилиями администрации на Соловках была внедрена бесчеловечная система наказаний. Она была верхом изощренного ума мракобесов. Руководители Коммунистической партии и Советское правительство заявляли, что Соловецкие лагеря особого назначения по своей сути являются исправительными. Им хотелось убедить мир в том, что наказание в данном учреждении имеет своей целью воспитать в заключенных лучшие человеческие качества и помочь им стать полезными гражданами Советского Союза. Но внимательно прочитав книгу, убеждаешься в том, что в действительности методы наказания, как и медицинского обслуживания, основывались на том,

4

чтобы наибольшее число заключенных как можно раньше ушло из жизни. Богатым фактическим материалом о лагерной жизни автор доказывает, как с первого дня советской власти создавалась слаженная система лагерей и тюрем для подавления инакомыслия. Причем, как справедливо отмечает С. Мальсагов, последние значительно превзошли в этом своих предшественников — царское самодержавие. Под тюрьмы, лагеря, пересыльные пункты были приспособлены даже многие монастыри, старинные замки, особняки — исторические и архитектурные памятники. Прочитав книгу до конца, ощущаешь подавленность, внутреннее опустошение от гнетущей сердце правды, страшной в своей наготе. Книга стала своеобразным обвинением всей советской системы, которое прозвучало на весь мир. Тюрьмы, лагеря, зоны не просто «темные страницы» советской действительности. Широта их размаха, тщательная разработка системы ГУЛАГа стали как бы сатанинской печатью советской власти. Она с редкой для себя последовательностью и умением проявилась в массовом уничтожении миллионов ни в чем не повинных людей. Заключенных,

однажды названных врагами, власть, по праву сильного, топтала, давила, душила.

Соловецкие лагеря были рассчитаны на полную изоляцию от внешнего мира. Оттуда не отправлялись письма, оттуда не возвращались. Но С. Мальсагову и его друзьям удалось вырваться и рассказать правду об «адских островах». В условиях Соловков это был акт отчаянной смелости, ставший по сути вызовом всей советской системе.

Жизнь Созерко Артагановича Мальсагова — это жизнь, прошедшая в борьбе со злом в любых его проявлениях, жизнь человека, который волею судьбы оказался вдали от семьи, родных, близких, родины его предков, большей частью прошедшая на чужбине. Но прожил он ее достойно, как подобает истинному горцу. Вот что писал 25 февраля 1976 года после кончины С. Мальсагова его родственникам из США наш земляк Якуб Озиев: «Он был настоящим мужчиной, ингушом, безмерно любившим свою родную землю, свой Кавказ. Но волею судьбы, лишенный всего самого дорогого, он встретил смерть далеко от семьи одиноким, обессиленным стариком. Дай Аллах ему Рай!!!»

Созерко Мальсагов ушел от нас, но остался навсегда в памяти не только всех поколений рода Мальсаговых, но и всего ингушского народа как человек честный, благородный, человек твердого духа, чистых помыслов и светлых надежд. Хочу, чтобы таким он предстал и перед тобой, уважаемый читатель.

Висин-Гирей Таикиев,
кандидат исторических наук,
доцент, полковник запаса

Узник «острова крови и смерти»

Дул холодный и порывистый ветер. Снег вперемешку с дождем захлестывал лица собравшихся на митинг, посвященный жертвам Соловецкого лагеря. Несмотря на июнь месяц, дыхание сурового полярного круга здесь явственно ощущалось. У огромного валуна, символизирующего будущий памятник жертвам репрессий, бывшие узники Соловков рассказывали о трагических днях заключения. Много слез и воспоминаний вызвал документальный фильм профессора искусствоведения Марии Голдовской «Власть Соловецкая». Но этот правдивый рассказ был не первым в серии разоблачений сталинского режима. Из Соловецкого лагеря особого назначения (СЛОН) в 1925 году совершил свой героический побег с группой товарищей бывший царский офицер Созерко Артаганович Мальсагов. Его книга, изданная в Англии, вызвала международный скандал. Мировая общественность, узнав об ужасах в Соловецком лагере, принялась за кампанию против «принудительных работ в СССР». Американский конгресс санкционировал запрет на ввоз советского леса и прекратил торговые отношения с нашей страной. Английский парламент на повестку дня поставил вопрос «о прекращении принудительных работ в СССР». Чтобы замять международный скандал, Соловки посетил пролетарский писатель Максим Горький. В 1927—1928 годах по заказу ОГПУ был

отснят помпезный фильм «Соловки», повествующий о «хорошей жизни» лагеря. И, как отмечалось в журнале «Соловецкие острова», «высшие пределы хозяйственно-культурной общественной жизни лагеря» представляют «возможность приблизить Соловки к идеалу будущего общества, к которому стремится коммунизм».

О том, как в «Париже северных лагерей» с 1923 по 1939 год стремились к коммунизму, говорят факты: если за четыре века в Соловецком монастыре находились в заточении 316 человек, то за одну ночь 1929 года убито 300 человек. «Железной рукой» население Страны Советов постепенно загонялось в «райские уголки» будущего счастливого общества. Так раскручивалась махина сталинских репрессий...

На этом митинге находилась младшая дочь Мальсагова—Мадина Созеркоевна. Она, начиная с 1960-х годов, вела переписку с отцом. Но за связь с отцом попала в немилость, и ей пришлось оставить пост главного врача в одной из поликлиник города Грозного. Переписка прервалась. Втайне от всех общение с дедом продолжил сын Мадины Созеркоевны — Сафар, который и побудил ее возобновить переписку.

Все эти годы жена, дочери и внуки Мальсагова не подозревали о существовании его знаменитой книги. И только недавно студент одного из московских вузов, копаясь в архивах спецхрана Ленинской библиотеки, случайно обнаружил аннотацию к книге «Адские острова: советская тюрьма на Дальнем Севере», изданную Мальсаговым Созерко Артагановичем в 1926 году в Лондоне. О находке своего товарища узнал внук автора — аспирант МГУ Шахбулат Яндиев, который через знакомого японского ученого получил из Лондона в дар книгу своего деда. Нелегкий путь из далекого 1926 года проделала книга бывшего узника «адских островов» к его родным и близким.

Созерко Мальсагов родился в семье командира Ингушского дивизиона Артагана Мальсагова из селения Альтиево Назрановского округа. Артаган за героизм в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. получил орден святой Анны IV степени с надписью «За храбрость». Заслуги Артагана перед Отечеством открывали двери кадетского корпуса его сыновьям Мамасу, Ахмету, Созерко, Орцхо и Арсамаку. Но судьба распорядилась по-иному. Мамас умер в раннем возрасте. Ахмет в 1930 году без суда и следствия был расстрелян. Созерко и Орцхо по воле отца окончили Воронежский кадетский корпус. В первую мировую войну Созерко служил в Ингушском кавалерийском полку, а Орцхо в артиллерии. Октябрьская революция разводит братьев по разные стороны баррикад. Созерко уходит в белую гвардию, а Орцхо в роли командующего Долаковским фронтом ведет активную борьбу с войсками Деникина, за что награждается орденом Красной Звезды. Орцхо уже в советское время организует в Ингушетии первый национальный театр, первый музей.

Младший из сыновей Артагана—Арсамак, идя по стопам брата Орцхо, вступает в коммунистическую партию. После окончания Тимирязевской

академии в 1933 году он издает книгу «Реконструкция сельского хозяйства в Ингушетии», не потерявшую своего практического значения и по сей день. Созерко Артаганович, будучи офицером Кавказской Армии, после долгих сомнений и колебаний принимает решение перейти на сторону советской власти. Об этом он пишет в своей книге: «В 1922 году в честь годовщины Октября Совет Народных Комиссаров РСФСР... объявил полную амнистию для всех противников Советской власти... Эта амнистия... официально обещала полное забвение любого преступления, совершенного белогвардейцами всех рангов и категорий...

В апреле 1923 года я сам сдался в руки офицеров ЧК в Батуме. Меня допрашивал следователь, примечательный своей молодостью... Он заключил свой допрос с глумливой усмешкой: «Ха, мы не будем мягкотелы в отношении таких парней, как ты». И они, действительно, не были 'Мягкотелы. Когда я сослался на официальный текст амнистии, следователь прямо взревел от смеха: «Отведите его в камеру и пусть там ему покажут амнистию». И они действительно показали».

Трагедия, постигшая Созерко Мальсагова, обрушилась не только на его семью, но и по воле «отца народов», на весь чечено-ингушский народ. В «вагонах смерти» в суровую зиму 1944 года его жена Леби, дочери Рая и Мадина прибыли в Семипалатинск. Откровение и боль слышны в словах народного писателя Чечено-Ингушетии Саида Чахкиева: «Для чеченцев и ингушей Казахстан стал второй родиной. Нет ни одной вайнах-ской семьи, которая бы не оставила могилы своих близких в степях Казахстана». Жана Семей, Джамбул, Фрунзе — вот этапы пути семьи Мальсаговых.

Хрущевская «оттепель» одновременно с возвращением на Родину Мальсаговых принесла и весточку из далекой Англии.

Мадина Созеркоевна, несмотря на строгий запрет матери, опасавшейся за судьбы дочерей, втайне от всех написала первое свое письмо: «Отец, здравствуй! Данные слова выводятся впервые нашей семьей, досель никто из нас не произносил их. Как ни странно, решила нарушить молчание та, твоя младшая дочь, с которой Вы не виделись ни разу в жизни, ибо она находилась во чреве, когда ты вместе с родиной покинул всех нас...» Ответ не замедлил: «Дорогая моя Мадина!.. Ты хотела в первом письме узнать правду от меня, касающуюся моей жизни в настоящее время. Вот она: «Несмотря на все невзгоды — сталинские тюрьмы, концлагеря, бегство, эмиграцию, войны (в которых мне также не везло, как и в жизни) — оставался верным отцом и честным человеком! Свидетелем тому является Аллах!.. Этот мой багаж Чести, пригодится и вам в вашей будущей долгой жизни! Не судите меня строго, пока не узнаете все подробности о моей жизни. Идя все время по тернистому пути, я постоянно думал о всех вас без исключения в ожидании конца этой ужасной дороги, чтобы вернуться к моим дорогим...»

Родные Созерко — жена Леби, дочери Рая и Мадина, внуки Марьям, Хаджи-Мурат, Шахбулат и Сафар — на протяжении всей ужасной дороги судьбы —

разлуки верили в его багаж Чести, в его Совесть, чистую и прозрачную, как Назрановская (Алтиевская) родниковая вода.

28 августа 1990 года, в день рождения Мадины, родственники Созерко Артагановича получили радостную весть из Грузии; в присланном документе говорилось: «Гр. Мальсагов Созерко Артаганович 1892 года рождения, на основании выписки из протокола заседания комиссии НКВД по административным выселениям от 30 ноября 1923 года был осужден по ст. 64 и 66 УК ГССР к 3 годам лишения свободы с содержанием в концентрационном лагере.

В настоящее время на основании заключения, утвержденного протоколом Грузинской ССР 28 августа 1990 года, Мальсагов Созерко Артаганович реабилитирован».

Эти скупые строки документа, официально подтверждающие невиновность осужденного, можно дополнить свидетельством очевидца послелагерной жизни бывшего узника «острова смерти» Дженнет Скибнев-ска: «Я, как участница обороны Побережья в 1939 году, Союза вооруженной борьбы (Армия Край-ова), участница Польских Вооруженных Сил на Западе, офицер-пропагандист 3-й Дивизии карпатских стрелков в Италии и Англии, сознавая ответственность, вытекающую из Закона, за достоверность фактов, приводимых ниже, свидетельствую, что гражданина Созерко Мальса-га, сына Артагана Мальсага, родившегося 15 мая 1892 года на Северном Кавказе в ауле Алтиево, около Назрани, я знаю как участница движения Сопротивления, он был профессиональным офицером Польской кавалерии (ротмистр) во Львове (14-й полк Язловецкий уланов), в Белостоке (10-й полк уланов), в Хелмне (8-й полк конных стрелков). Принимая участие в войне против немцев в 1939 году в Поморье, был командиром эскадрона, вел кровопролитные бои с немцами, был взят в плен и вывезен в офицерский лагерь в Германию.

Вышесказанный имел псевдоним «Казбек»... с 1930 года приступил к службе в качестве ротмистра, отважный, порядочный тип прекрасного ингуша с Северного Кавказа, бежал с Соловецких островов с другом-поляком и через Финляндию перебрался в Польшу. Во время войны после нескольких лет плена в 1939 году бежал из лагеря в Польшу, а после был переброшен движением Сопротивления во Францию. Работал в диверсионной группе. В Польшу более не возвращался, встречала его в Англии, там он и остался, как польский ветеран, умер в 1976 году. Запомнился как порядочный человек, прекрасный офицер, верный своей семье, детям, внукам, Родине».

Созерко Мальсагов безмерно любил свою Родину, семью. Эта любовь передалась не только дочерям, но и внукам. Сафар ее выразил через письма, Шахбулат переводом «Адских островов», а Марьям аналитическими статьями о трагедии семьи Мальсаговых. Нельзя без волнения читать строки из статьи Марьям «Нас разъединила стихия...», опубликованной в республиканской газете Чечено-Ингушетии «Сердало» (18.09.90): «...Я никогда не видела, чтобы наша бабушка плакала — впервые ее плач и рыдания я услышала, когда она получила известие о смерти своего бедного

Соси (так звали деда близкие). Она скорбела о нем так, как будто прожила с ним нормальную супружескую жизнь. Она принимала соблезновения, и как любая вдова, совершила весь положенный мусульманский поминальный обряд, до конца своей жизни пекла по пятницам и раздавала поминальные лепешки в память по умершему мужу...

До смерти деда бабушка, молясь, всегда просила у Бога здоровья своему мужу, облегчения его участи на чужбине. Я думаю, что как женщина, она где-то в глубине души, может быть, испытывала некое удовлетворение от того, что ее Созерко остался до конца ей верен и не женился, но как истово верующая мусульманка, она безумно сожалела о его одиночестве, говоря: «Если бы он женился, ему не было бы так трудно, пусть бы у него была жена, еще дети. Он оказался несчастливее меня, потому что на старости лет никто не подал ему стакан воды с любовью». Его одиночество приносило ей страдание...

На могиле бабушки в селе Альтиево (родовом кладбище Мальсаговых, где мечтал быть похороненным дед) стоят два скромных надгробия — Созерко и Леби Мальсаговых, встретившихся после всех земных испытаний через 56 лет...»

Прошли годы, и слава Всевышнему, что память наша сохранилась, не помутился наш разум. Мы не приемлем насилие и поэтому бережно храним документы и свидетельства, осуждающие его. Нашумевшей книге Созерко Мальсагова предшествовали его очерки «Остров крови и смерти», напечатанные в 1925 году в Риге. «Мальсагов—это ...ясно выраженная храбрость»,—скажет товарищ по побегу Бессонов в своей книге «Двадцать шесть тюрем и побег с Соловков», изданной в Париже в 1928 году. Спустя три года в Шанхае вышли в свет воспоминания бывшего генерал-майора И. Зайцева «Соловки. (Коммунистическая каторга или место пыток и смерти)» в двух частях. Все не перечислить, о Соловках написано очень много. Отдавая дань уважения исторической правде, мы преклоняем колени перед одним из лучших сыновей нашей Отчизны Созерко Арта-гановичем Мальсаговым, который, рискуя жизнью, благополучием своей семьи, впервые всему миру заявил о жестокостях и беззакониях, творимых на Соловках. «И если мое свидетельство,— писал он,— будет достойным обсуждения и признано частью гигантского обвинительного приговора, который русский народ, все человечество, история и Бог, без сомнения, предъявят Советской власти, я буду считать свой долг выполненным». Созерко Мальсагов не дожил до светлых дней Истины, умер вдали от родного Кавказа, но наперекор злой судьбе он оставил, как и мечтал, красивый след на земле, след, освященный Богом.

Марат АБСЕМЕТОВ

От автора

Я и четверо моих друзей покинули Соловецкие острова (в данном повествовании названные Соловками — именем, под которым они в общем и известны) 18 мая 1925 года и пересекли границу между Россией и Фин-

ляндией 15 июня. Но только восемью днями позже, достигнув Кусамо, мы точно выяснили, что находимся в Финляндии. Наше путешествие длилось, таким образом, 36 дней.

Как я и предполагал, обнаружилось, что вне Советской России все обстоятельства жизни (или правильнее было бы сказать — медленной смерти) сосланных на Соловецкие острова, режим, условия труда, пища и прочие внутренние и внешние особенности лагерных будней — совершенно неизвестны.

Тайна, которой окутаны Соловки, понятна. Советские газеты, утаивающие жестокую правду от русских читателей, обходят Соловки полным молчанием. Корреспондентам иностранных газет не разрешено ездить туда. Никогда не было до нас ни одного случая, когда бы узнику сопутствовала удача в побеге через границу, а европейское общественное мнение узнало бы правду о Соловках.

Провидение чудом избавило меня от этого ада. И я считаю своим священным долгом поведать миру о том, что я видел, слышал и через что прошел.

Эти заметки, конечно же, не претендуют на художественные совершенства и стилистические прелести, а также на исчерпывающую полноту. Примите их как свидетельства честного очевидца, который говорит правду и только лишь правду. И если мое свидетельство будет достойным обсуждения и признано частью гигантского обвинительного приговора, который русский народ, все человечество, история и Бог, без сомнения, предъявят Советской власти, я буду считать свой долг выполненным.

В подтверждение этой моей просьбы, если хватит сил и беспристрастия в моем описании, я могу сказать: когда я показал эти записи моим друзьям, бежавшим вместе со мной, они сошлись во мнении, что описание режима на Соловецких островах во многих случаях было слишком сдержанным.

Часть 1. ИЗ БАТУМА НА СОЛОВЕЦКИЕ ОСТРОВА

ГЛАВА I

БЕЛАЯ ГВАРДИЯ НА КАВКАЗЕ

Поражение Деникина — Партизанская война — Неожиданный удар — Неуловимый Челокаев — Договор в действии.

Прежде чем перейти к моей главной задаче — описанию условий жизни в советской тюрьме на Соловецких островах, я хотел бы коротко остановиться на периоде моей жизни, который непосредственно предшествовал высылке. Я думаю, что это интересно не только как часть моей биографии. Насколько мне известно, карательные действия Советской власти на Кавказе после подавления вооруженного антибольшевистского восстания никогда не описывались ни в книгах, ни в воспоминаниях.

Во время последнего отступления сил генерала Деникина я находился в рядах Кавказской армии на Царицынском фронте. Катастрофа Добровольческой Армии вынудила всех нас искать убежище в горах. Постоянно сталкиваясь с нападающим врагом, наша кавалерийская бригада достигла реки Терек, где и была расформирована. Наиболее стойкие и надежные части ее пересекли границу Грузии, в то время еще независимого государства. В Грузии члены бригады, которые еще были пригодны к службе, соединились под руководством Клыч Султан-Гирея в кавалерийский полк.

В его обязанности входило совершать нападения на советские тылы и вносить в них сумятицу, разрушать дороги и организовывать восстания против большевиков. Рейд на Кубань, планировавшийся на лето 1920 г. штабом генерала Врангеля, который находился со своей армией в Крыму, увлек Султан-Гирея послать и нас на Кубань в надежде склонить казаков к восстанию. На Кубань мы приняли участие в отступлении вторгшихся в Крым войск, и рейд значительно превзошел первоначальные масштабы; но дерзкий план восстания не удался. Мы были опять разброшены.

В исключительно трудных условиях, окруженные войсками Красной Армии, мы сформировали новый отряд под командованием полковника Икс. Я не могу назвать имени полковника, он до сих пор продолжает партизанскую войну против Советской власти на Кавказе.

Наш отряд, несмотря на свою малочисленность, вел военные действия не без успеха. И мы начали обдумывать операции больших размеров, когда неожиданно лишились поддержки, от которой полностью зависели и на которую рассчитывали. Произошло знаменательное национальное восстание в Грузии. В действительности же Грузия была оккупирована без всякого сопротивления регулярными войсками Красной Армии. Наш отряд, сражаясь, уходил через неприступные горы в Батум. Здесь часть его прекратила свое существование и превратилась в большие или меньшие воинские повстанческие формирования. Другая часть ушла в Анатолию.

Я отправился в Аджаристан. Здесь была установлена связь с Трапезундом, где жил Игрек (его имя также не могу назвать, по выше объясненной

причине). До осени 1922 г. мы с Игреком организовывали нападения на советскую границу.

Тогда, как и сейчас, неофициальное руководство всем повстанческим движением на Кавказе было сосредоточено в руках хорошо известного полковника Челокаева. Благодаря всесторонней поддержке населения, которое симпатизирует «белым», и его собственному мужеству, смелости и умению, большевики считают Челокаева неуловимым.

Мне точно известно, что Груз, и Зак. ЧК часто пытались подкупить его. Они неоднократно предлагали ему очень много золота просто для того, чтобы он покинул Кавказ. Большевики сулили ему виллу в любой стране Европы, какую только он назовет. Неуловимый полковник, однако, отвергал эти предложения с отвращением и до сих пор продолжает свои неожиданные нападения то на один, то на другой оплот Советской власти на Кавказе.

Между Челокаевым и кавказскими советами существует необычное соглашение. Семья полковника, уже в течение нескольких лет заключена в Метехский замок Тифлиса — тюрьму, известную своими жестокостями и зверствами. Большевики, конечно же, давно расстреляли бы родных Челокаева, если бы он не захватил в плен и не спрятал в надежном месте как заложников нескольких известных представителей Советской власти. Когда полковник услышал, что его семья арестована, он послал такое письмо председателю Грузинской ЧК: «Я пришлю в мешке сорок голов коммунистов за каждого члена моей семьи, убитого вами. Полковник Челокаев».

Так семья Челокаевых и заложники — коммунисты до сих пор живы.

ГЛАВА 2

ЗНАМЕНИТАЯ «АМНИСТИЯ»

Моя глупая доверчивость — Мальчик-чекист — Выведены, чтобы быть расстрелянными — Взаимные репрессии — Храбрый горец — Оpoznан идиотом.

В 1922 году в честь годовщины Октября Совет народных комиссаров РСФСР¹ (Россия тогда существовала под таким названием) объявил полную амнистию для всех противников Советской власти. Эта амнистия, которая была подписана цветом Коммунистической партии, официально обещала полное забвение любого преступления, совершенного белогвардейцами всех рангов и категорий.

Я до сих пор не могу простить себе то, что я, который лучше чем кто-либо другой знал цену большевистским обещаниям, который вел борьбу с Советской властью не на жизнь, а на смерть, мог поверить в добрую волю людей, которые всегда лгали. Я заплатил за свою непростительную глупость страданиями в Соловецкой тюрьме. Пусть моя судьба будет предостережением для других доверчивых людей.

В апреле 1923 г. я сам сдался в руки офицеров ЧК в Батуме. Меня допрашивал следователь, примечательный своей молодостью. Это был

---

¹ Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика. Нынешнее название Советской России — СССР.

дерзкий юноша семнадцати лет. Следственная служба в Советской России сформирована «блестяще». Когда молодой чекист суммировал мои преступления (надо сказать, довольно подробно), он заключил свой допрос глумливой усмешкой: «Ха, мы не будем мягкотелы в отношении таких парней, как ты». И они, действительно, не были мягкотелы. Когда я сослался на официальный текст амнистии, следователь прямо взревел от смеха: «Отведите его в камеру и пусть там ему покажут амнистию». И они действительно показали.

Я не буду подробно описывать свои моральные и физические муки, избиения, оскорбления, попытки извлечь из меня информацию провокационными методами — все, что я вынес, будучи заключенным в Батумской ЧК. Достаточно сказать, что я был вызван на допрос в два часа ночи. Допрашивающие опять прошлись по моей биографии за последние несколько лет с удивительной точностью и предложили, чтобы я сознался во всем и назвал главных соучастников в количестве десяти человек (число указано очень точно). Убеждения сменялись бранью и оскорблениями, оскорбления — выстрелами из револьвера над моей головой. Все делалось с расчетом запугать меня.

Я отрицал свою виновность и отказывался назвать кого-либо из соучастников. Меня и еще троих заключенных вывели на расстрел во двор тюрьмы. Один из узников был убит в двух шагах от меня. Второго точно так же застрелили насмерть. Третий упал, истекая кровью. Затем крикнули мне: «Теперь твоя очередь».

В оцепенении я стоял рядом с телами моих спутников. Почти касаясь моей головы дулами пистолетов, чекисты кричали мне: «Признавайся!»

Я молчал. По какой-то причине они не стали убивать меня. Возможно, моя жизнь была им зачем-то необходима. Я провел несколько дней в норме Батумской ЧК. Затем меня перевели в Закавказскую ЧК в Тифлисе. Ее главное управление находилось в квартале Сололаки, в центре города. Что касается жестокости, то не было разницы между порядками там и в Батуме. Председателем и всемогущим хозяином Закавказской ЧК в это время был хорошо известный Могилевский¹, который не так давно погиб в авиакатастрофе.

Кровь лилась на Кавказе рекой. Коммунисты осуществляли тройную месть по отношению к своим заключенным: за убийство Воровского в Швейцарии, за восстание в Грузии, за ультиматум лорда Керзона.

В бесчисленных тюрьмах Кавказа ежедневно уничтожались тысячи людей. Кавказ не был еще окончательно покорен коммунистами, и в то время, о котором я пишу, весь регион был в огне гражданской войны. Повстанческие группы врывались в города и подряд вешали большевиков. Последние отвечали усилением своего и так безжалостного террора.

Однажды повстанцы спустились в станицу Курск рядом с Владикавказом и среди прочего угнали стадо, принадлежавшее Советам. Следом бросилась

---

¹ Могилевский был следователем по делу миссис Стен Хердинг во время ее заключения в Москве в 1920 г. См. ее книгу «Преисподня в государстве» (изд. Эллен и Ануин).

погоня, возглавляемая прославленным латышом Штыбе, председателем ГПУ¹ Горской республики. Группа повстанцев скрылась в горах, угнав с собой весь скот, и ее не могли обнаружить. Чекистам удалось обнаружить только одного из главарей повстанцев.

Горец, позади которого была отвесная скала, располагал полным карманом патронов и противостоял атаке нескольких эскадронов в течение многих часов. Один из его метких выстрелов сразил самого Штыбе. Хотя повстанец несколько раз был ранен, он уничтожил более восьми коммунистов. Но в конце концов он упал, смертельно раненный. В его ружье, которое холодные пальцы держали близко у лица, не было найдено ни одного патрона. Он сражался до конца. Его привязали к хвосту лошади и потащили во Владикавказ. Палача Штыбе похоронили с пышностью и воинскими почестями на Пушкинской площади в Тифлисе. Смерть этого мошенника власти использовали как предлог для репрессий над заключенными. Пастухом, заботам которого был доверен скот, угнанный повстанцами в горы, был глухонемой от рождения мальчик, явно слабоумный. Этому идиоту и было поручено устанавливать личности, среди всех заключенных в тюрьмах Кавказа, тех, кто имел отношение к убийству «незабвенного товарища Штыбе».

Председателя Гор. ЧК (ЧК Горской республики) не тревожил вопрос, как мы, находившиеся в тюрьмах ЧК в момент гибели Штыбе и задолго до нее, могли иметь отношение к его убийству. Нас выстроили в два ряда, и если пастух останавливался напротив человека и издавал нечленораздельный звук или просто идиотски улыбался, этого было достаточно, чтобы человека, который привлек внимание полоумного мальчика, сделать причастным к убийству «незабвенного товарища Штыбе». Немедленно отдавался приказ: «Два шага вперед!» И пуля посылалась в голову.

Несколько дюжин людей было уничтожено на моих глазах. Так, шествуя вдоль второго ряда, пастух остановился передо мной. Смерть казалась неминуемой. Но прокурор Горской республики Тогузов, который следовал позади пастуха и который допрашивал меня этой ночью и точно знал, что я абсолютно не имел никакого отношения к смерти Штыбе, почувствовал, видимо, угрызение совести и отвел пастуха как раз в тот момент, когда он передо мной искажил свое лицо в идиотской гримасе.

Этот прокурор является характерной фигурой. Казбек Тогузов — бывший офицер, в 1917 году продолжал на Кавказе отчаянную и безнадежную борьбу в поддержку Временного правительства, требуя роспуска всех солдатских и рабочих Советов с помощью Вооруженных сил. Но при обстоятельствах, весьма загадочных, он вступил в компартию и до сих пор вешает людей, но уже врагов большевиков.

---

¹ Государственное и политическое управление, нынешнее официальное обозначение ЧК. фиктивное «упразднение «ЧК» в 1922 г. и его замена ГПУ иронически описаны мистером Джорджем Поповым в его книге «ЧК». Синонимические термины «ГПУ» и «ЧК» используются автором идентично.

ГЛАВА 3

УЖАСЫ ТИФЛИССКОЙ ТЮРЬМЫ

Решительность князя Мухранского — Метех — В руках садистов — Проклятое место — Ночи расстрелов — Сам попал в собственные сети.

Среди тысяч людей, заключенных в тюрьмы Закавказской ЧК одновременно со мной, было пятнадцать офицеров. Среди них генерал Цулукидзе, князь Камшиев, князь Мухранский, брат которого был женат на дочери Великого князя Константина Константиновича. Все они обвинялись в организации мифического контрреволюционного заговора и в связях с Грузинским восстанием 1923 г. Эти люди после продолжительных мучительных допросов были приговорены к расстрелу.

Князь Мухранский решил дорого продать свою жизнь. Ему удалось раздобыть большой гвоздь (он нашел его в камере). Когда в ночь исполнения приговора открылась дверь и группа чекистов, возглавляемая Шульманом, комендантом Закавказской ЧК, известным как «комендант смерти», вошла, чтобы увести осужденных офицеров, Мухранский бросил гвоздь со всей возможной силой в лицо Шульману, целясь ему в глаза. Тяжелый гвоздь сломал палачу нос. Шульман застонал от боли, и сразу же раздались ужасные крики и выстрелы. Камера наполнилась дымом. Все пятнадцать офицеров, находившиеся в камере, были убиты конвоем на месте. Заключенным из других камер был отдан приказ смыть потоки крови.

Палач Злиев, чрезвычайный уполномоченный ГПУ Горской республики в Осетии, прибежал к следующему. Он насильно вставлял дуло револьвера в рот заключенного, которого допрашивал, поворачивал его и, таким образом, р^ня десны, выбивал зубы. Мой сокамерник по тюрьме Гор. ГПУ подвергался такой пытке. Это был пожилой осетин, которого обвинили в следующем преступлении (цитата из обвинительного заключения): «Обвиняется в том, что однажды прошел мимо дверей дома Челокаевых».

По истечении нескольких недель я был перемещен в главную кавказскую тюрьму Метех в Тифлисе. Как и ныне, Метех использовался в 1923 году исключительно как место содержания под стражей политических заключенных; обычные уголовники размещались в государственной тюрьме. В замке находилось 2600 белогвардейцев, включая большое число грузинских меньшевиков.

Бесчисленные репрессии систематически продолжали осуществляться по отношению к беззащитным лицам—я видел много стариков,, женщин и детей, ставших жертвами беззакония. Один раз в неделю, в четверг, специальная комиссия, состоявшая поочередно из членов Закавказской и Грузинской ЧК, заседала в канцелярии начальника тюрьмы и составляла список жертв, не уделяя много внимания степени вины каждого. Желание найти повод для расстрела заглушало голос человечности. Весь персонал замка Закавказской и Грузинской ЧК был укомплектован садистами.

Каждую неделю в четверг ночью расстреливалось от шестидесяти до ста человек. Эта ночь была сушим адом для всего Метеха. Мы не знали, кому суждено быть расстрелянным, и поэтому каждый ожидал смерти. Ни один

человек не смог сомкнуть глаз до самого утра. Непрерывное кровопролитие оказалось пыткой не только для заключенных, но и для людей, живущих на свободе, вне тюрьмы. Все улицы вокруг Метеха долгое время были необитаемы. Население этого квартала бросало свои дома, будучи не в состоянии больше слышать выстрелы палачей и пронзительные крики и стоны их жертв.

Чекисты Метеха всегда ходили пьяными. Это были профессиональные мясники. Их сходство с последними усиливалось привычкой закатывать рукава по локоть и таким образом расхаживать по коридорам и камерам. Время от времени они падали на пол, опьяненные вином и человеческой кровью.

В ночь расстрела из каждой камеры забиралось от пяти до десяти человек. Чекисты как можно дольше затягивали процедуру зачитывания списка обреченных на смерть, и средний минимум их пребывания составлял около четверти часа в каждой камере. Делались длинные паузы перед каждым именем, во время которых все арестованные трепетали от ужаса. Такую пытку не могли выдержать даже люди с очень крепкими нервами. В ночь под четверг половина заключенных замка плакала до самого утра. На следующий день никто не мог съесть даже маленького кусочка пищи, тюремный обед оставался нетронутым. Это случалось каждую неделю.

Заключенные из Горской республики, которые прибыли на Соловки в 1925 году, рассказывали нам, что это продолжалось и потом. Многие люди не могли вынести длительного кошмара и сходили с ума. Другие совершали самоубийства любыми доступными способами.

Когда я находился в замке, хорошо известный тифлисский чекист Зозуля, кубанский казак, был помещен среди заключенных для провокаторской деятельности. Этот палач в сравнительно короткий промежуток времени собственноручно расстрелял шестьсот человек (факт, который не отрицал сам Зозуля). Под конец он был разоблачен, и заключенные его убили.

Я провел четыре с половиной месяца в Метехе и каждый раз, каждый четверг, приготавливал себя к смерти.

После Метеха пошла неокончаемая серия путешествий по новым тюрьмам. Из метехской тюрьмы я был переброшен в государственную тюрьму в Тифлисе. Оттуда в «Тимахика» — бакинскую тюрьму, где провел две недели. Затем тюрьма ВЧК в Петровке. Три недели. Потом Грозный, из Грозного в столыпинском вагоне, специально сконструированном для заключенных, во Владикавказ.

И везде было одно и то же — абсолютное подавление человеческой личности, пытки на ночных допросах, голод и избиения, те же незаконные и беспорядочные расстрелы.

ГЛАВА 4

ОТПРАВЛЕНИЕ НА СОЛОВКИ

Окончательно «амнистированный» —

Шпана — Удачный побег — Классификация заключенных — Протеже мадам Каменевой.

В конце концов 30 ноября 1923 года (таким образом, через семь месяцев после того, как я был «амнистирован» Батумской ЧК) следователь Владикавказской ЧК окончательно «амнистировал» меня в следующих выражениях: «По приказу административной комиссии Народного комиссариата внутренних дел по высылке граждан Мальсагов признан виновным в преступлениях против основ государства, предусмотренных статьями 64 и 66 Уголовного кодекса РСФСР. Статья 64 — «Организация террористических актов и сотрудничество с иностранцами». Статья 66 — «Шпионаж в пользу международной буржуазии». Мальсагов высылается в концентрационный лагерь на Соловецкие острова сроком на три года».

Я и некоторые другие, которые тоже были «амнистированы», не торопясь отправились на Север. Первой остановкой был Ростов. Здесь я впервые столкнулся с так называемой шпаной — обычными уголовниками, которые играли столь необычную роль во всех российских тюрьмах, лагерях и местах ссылки.

Грабители большого и малого масштаба, взломщики, убийцы, фальшивомонетчики и бродяги кочевали целыми дивизиями из одной тюрьмы в другую, отбывая свой срок, совершая побег при помощи подкупа охраны, чтобы вскоре вновь попасть в следующую тюрьму. Почти все они были совершенно раздеты, всегда голодны и зашивлены. Охрана била их по головам прикладами ружей, уголовники убивали друг друга кирпичами, вырванными из тюремных стен. Совершенно одичавшие, куда бы они не отправлялись, эти преступники проигрывали в карты скудный паек (порцию пищи) или последнюю пару собственных брюк. Подобные уроны они возмещали грабя вновь арестованных заключенных, относящихся к политической категории. Украденные вещи шпана пропивала и продавала через тюремных и лагерных надзирателей.

, Войдя в камеру, предназначенную для нас в ростовской тюрьме, я онемел от ужаса: нас встретили около ста уголовников из шпаны с оглушительными воплями и угрожающими выкриками. В углу сидели пять человек из образованных, включая и полковника Генерального штаба. Шпана за ночь раздела их догола.

К счастью, среди нас были люди, которые прошли через все мыслимые переделки. Один из них прочертил **мелом** линию на полу, поделив комнату на две зоны — политическую и уголовную, и крикнул шпане: «Я убью первого, кто переступит эту линию». Он был огромного роста; шпана испугалась его. По ночам мы выставляли часовых на границе зоны. Если бы не это, наши деньги и прочие вещи были бы украдены. От денег и вещей фактически зависела наша судьба: мы подкупали охрану, чтобы иметь хоть какие-то блага.

Из Ростова нас отправили в Москву на Таганку. В таганской тюрьме упомянутая система деления была преобладающей. Здесь существуют отдельные камеры для уголовников различных категорий. Мы познако-

мились с любопытной градацией преступников, осуществляемой советскими властями. Все преступники делятся не на два класса — контрреволюционеров и шпану, как на Кавказе и в южной России, — а на три. Первая группа, именуемая «КР», включала людей, подозреваемых в действиях в пользу монархии, или, в общем, буржуазии, то есть в антисоциалистической деятельности. В этой разнородной группе можно встретить и бывшего министра, и швейцара, молодого унтер-офицера и генерала, крупного фабриканта и приказчика из маленькой лавки, бывшую княжну и ее повариху. Советские власти, включая в эту группу и все духовенство целиком без разделения вероисповеданий, все образованные и полуобразованные классы, всех купцов и офицеров.

К следующей группе относятся так называемые «политические и партийные деятели», остатки дореволюционных социалистических партий: социал-революционеры, социал-демократы, анархисты и т. д., которые так и не слились с большевиками.

Третья группа включала в себя уголовников в чистом виде, так называемую шпану.

Советские власти поддерживают такое разделение и на Соловках, и во всех других местах ссылки, и на вольных поселениях.

На Таганке нас поместили в камеру, которая до отказа была наполнена представителями духовенства. Здесь находились и владыка Петр (Соколов) — архиепископ Саратовский, и монахи Казанского монастыря и т. д. Почти все они обвинялись в сокрытии ценностей, в то время как большевики разграбляли церкви для удовлетворения материальных потребностей Коминтерна¹.

Эти епископы, священники и монахи, как и мы, были **высланы на Соловки**.

В Петрограде, куда **наш** этап прибыл в начале **января 1924** года, нас поместили в одну камеру с группой из двадцати пяти человек, которую **называли «Казино»**. Это было во второй пересыльной тюрьме, занимаемой исключительно заключенными, направляемыми в другие места.

Незадолго до этого в Москве был закрыт фешенебельный игорный дом, предназначенный для высокопоставленных коммунистов и названный «Казино». Его ликвидировали под предлогом того, что там делались высокие ставки, устраивались пьяные оргии, процветали разврат и дебош.

Неофициальной патронессой этого «благородного» заведения была мадам Каменева, жена председателя Исполнительного комитета Московской губернии.

Московское ГПУ, закрывая казино, не отважилось арестовать супругу коммунистического генерал-губернатора Москвы, но весь штат игорного дома, возглавляемый крупье Петровым, был сослан на Соловки на три года. Эти парни также были нашими спутниками в Кеми. Впоследствии группа «Казино» по настоянию мадам Каменевой была переведена на вольное

---

¹ Третий Коммунистический Интернационал.

поселение в Печерский район. Перед нашим побегом из лагеря я слышал, что Петров и компания вернулись в Москву.

Этапы с заключенными направлялись из Петрограда на Север один раз в неделю — по средам. В одну из таких сред, 14 января 1924 года, я и большое число прочих «КР», политических и иных деятелей, а также шпаны были вывезены на Соловки, в арестантских вагонах.

Часть II. СОЛОВЕЦКИЕ ОСТРОВА.

ГЛАВА I

ПРЕДШЕСТВЕННИКИ СОЛОВКОВ

**Условия жизни в прежних лагерях — «Белый дом» — 10 000
расстрелянных — Массовые потопления — Следственная комиссия —
Оставшиеся перемещены на Соловецкие острова.**

До 1922 года Холмогоры¹ и Пертоминск выполняли функцию, которая сейчас возложена на Соловки. Когда я попал на Соловки в начале 1924 года, я встретил несколько человек, осужденных по статье «контрреволюция» и оставшихся в живых. Они находились в заключении в этих местах. На Соловки их переместили в 1922 году. Я бы хотел коротко остановиться на том, что рассказывали эти, чудом уцелевшие, люди.

Концлагеря в Холмогорах и Пертоминске были созданы советским правительством в конце 1919 г. Люди направлялись туда из всех уголков России и должны были жить в наскоро выстроенных бараках. Это были никогда не отапливаемые, даже в самую сильную зимнюю стужу, помещения (когда температура в этих северных широтах снижалась до —50, —60 градусов по Цельсию, от 90—110° по Фаренгейту).

Заключенным выдавался следующий паек: одна картофелина на завтрак, картофельные очистки, сваренные в воде, на обед и одна картофелина на ужин. Ни кусочка хлеба, ни унции сахара, не говоря уже о мясе или масле. И эти люди, доведенные муками голода до отчаяния, поедали кору на деревьях. Они вынуждены дух на целые километры вокруг. Смрад, который не уменьшался ни днем, ни ночью, заставлял заключенных в лагере задыхаться и даже терять сознание. Три четверти жителей города Холмогоры оказались не в состоянии вынести все это и покинули свои дома.

Без всякого сомнения, Советское правительство знало о тех ужасах, которые творились в Холмогорах и Пертоминске (не могло не знать!). Но, будучи заинтересованным в безжалостном уничтожении своих врагов, подлинных и мнимых, руководители Коммунистической партии ограничились лишь умыванием рук.

Казни осуществлялись не только в «Белом доме», но и в других местах. Чекисты практиковали следующий метод: они входили к заключенным и, указывая на будущие жертвы, произносили: «Один, два, три». «Один» значило, что заключенный будет расстрелян в тот же день, «два» — его расстреляют завтра, «три» — казнят послезавтра. Это обычно делалось, когда прибывала новая большая партия, и появлялась острая необходимость в камерах для вновь прибывших.

Согласно свидетельству очевидцев, около 10 000 человек были расстреляны в Холмогорах и Пертоминске. Как это ни ужасно, но в этой цифре нет ничего поразительного. Ибо в течение трех лет подряд до своего расформирования эти лагеря составляли главную тюрьму всей Советской России. В огромные

---

¹ Холмогоры на Двине, » 46 милях к юго-западу от Архангельска.

этапы из всех уголков европейской и азиатской России попадали те, кого по каким-либо причинам было нежелательно убивать на месте, например, все те, кто был «амнистирован» местными властями.

Палачи в Холмогорах и Пертоминске прибегали и к другому способу уничтожения заключенных — они их топили. Из всего множества случаев, мне известных, я остановлюсь на следующих.

В 1921 году четыре тысячи бывших офицеров и солдат армии Врангеля были погружены на баржу, и это судно чекисты потопили в устье Двины. Те, которые были еще в состоянии удержаться на поверхности воды, были расстреляны.

В 1922 году несколько барж загрузили заключенными, которых потопили в Двине прямо на глазах у всех. Несчастные пассажиры с других, неподтопленных барж, среди которых было много женщин, были высажены на одном из островов около Холмогор и расстреляны из пулеметов прямо с барж.

Массовые убийства на этом острове продолжались довольно долго. Как и «Белый дом», он был завален трупами.

Тех, кто избежал расстрела, охотящиеся за смертью чекисты уничтожали непосильным трудом. Заключенным полагался упомянутый уже паек, а среди них были старики и женщины, которые работали по 12 часов. Считалось большой удачей найти гнилой картофель в поле, он прямо сырым с жадностью поедался на месте.

Когда чекисты заметили, что местные жители (саами, зыряне, самоеды) бросали хлеб в толпу заключенных, когда те проходили мимо их хижин, они стали водить _ их на работу иным маршрутом, через густой лес и болота.

Если новоприбывший заключенный был прилично одет, его тут же расстреливали для того, чтобы поскорее забрать одежду.

Ранним летом 1922 года матрос из Кронштадта, который, к счастью, остался жив, бежал из холмогорского лагеря. Ему удалось добраться до Москвы, где он, используя старые связи, добился приема во ВЦИК¹ и сказал Калинин: «Делайте со мной, что хотите, но обратите внимание на те ужасы, которые творятся в советских лагерях».

А к этому времени чекисты уже уничтожили 90 % всех заключенных.

«Человеколюбие» коммунистов было доказано с полной очевидностью, и ВЦИК, сменив гнев на милость, снисходительно выслушал мольбы беглого матроса.

В конце июля из Москвы в Холмогоры была направлена комиссия для инспекции лагеря. Ее представителем стал некий Фельдман. Сам Фельдман не сумел скрыть своего ужаса от того, что он увидел и услышал в этих местах. Он расстрелял коменданта лагеря, а его помощников и прочий персонал направил в Москву, якобы для расследования. Но, однако, все чекисты были помилованы и получили ответственные должности в учреждениях ГПУ в южной России.

---

¹ Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет.

Полностью осознавая, что и «Белый дом», и десятки тысяч его трупов были грузом на совести Москвы, Фельдману пришлось уничтожить все следы того, что там произошло. Поэтому он распорядился сжечь все. Комиссия Фельдмана была уполномочена ВЦИКом амнистировать заключенных в обоих лагерях, и только обычные уголовники (шпана) получили свободу. Никто из контрреволюционеров не был амнистирован. В августе 1922 года оставшихся контрреволюционеров под надежной охраной перевели по р. Кеми из Пертоминска и Холмогор на Соловецкие острова.

ГЛАВА 2

ОТ МОНАСТЫРЯ К ЛАГЕРЮ

Знаменитый Соловецкий монастырь — Его значимость и экономическая мощь — Большевистское нашествие — Разрушение и грабеж — Учреждение Соловков — Лагеря и их правители.

Соловецкий лагерь получил свое наименование от Соловецкого монастыря, основанного в 1439 году святыми Савватием и Германом. А святой Зосима в 1436 году воздвиг первую церковь на его территории. Остров (17 миль в длину и 11 миль в ширину), на котором стоит монастырь, является одним из целого архипелага, известного под названием Соловецкие острова. Помимо главного острова, есть еще пять крупных: Ан-зерский, Большой и Малый Заяцкие, Большой и Малый Муксалма. А также несколько маленьких островков. Они расположены на Белом море при входе в Онежский залив, близко к западному побережью Архангельской губернии.

Соловецкий монастырь — один из самых древних и самых почитаемых в России — долго был славен особым аскетизмом жизни, которую вели его обитатели, несметными сокровищами его церквей и большим количеством монахов в обители. Это подтверждалось тем, что количество юношей, посылаемых родителями в монастырь на год, достигало в некоторые периоды двух тысяч.

Монастырь имел среди прочего собственный кожевенный завод, литейную мастерскую, бумажную фабрику, спичечную фабрику, лесопилки, дюжину мастерских различного назначения, печатный двор (все рабочие монахи), док, торговый флот и даже небольшую военную флотилию для защиты своих берегов. Монастырская артиллерия и пехота состояли исключительно из монахов и также предназначались для охранных целей.

Первые годы революции затронули организационную и экономическую мощь монастыря в очень малой степени, хотя он и находился на главном пути большевистского грабежа. Даже в то время, когда в этих местах находились англичане (стоит напомнить, что Архангельская и Мурманская губернии были некоторое время оккупированы русской белогвардейской армией под командованием генерала Миллера и британскими войсками), монастырь все еще жил своей традиционной трудовой жизнью.

Советская власть с присущим ей насилием и жестокостью разрушила этот в высшей степени обжитой уголок России на Крайнем Севере. Осенью 1922

года все деревянные здания на территории монастыря были сожжены. Большевики начали с того, что уничтожили монахов, начиная с настоятеля монастыря, а оставшихся направили на принудительные работы в центральную Россию. Сокровища разграбили первые чекисты, которые вступили на территорию монастыря. Оклады икон были выкрадены, а сами иконы святотатственно порублены на дрова. Колокола сбрасывали с колоколен, а обломки увезли в Москву для переплавки. Помимо множества предметов, ценных в религиозном и материальном смысле, советские варвары уничтожили сокровища, представляющие большую историческую ценность. Чекисты разграбили монастырскую библиотеку, которая в течение пяти веков своего существования пополнялась уникальными произведениями. Редкими книгами растапливались печи, в огне погибли старинные документы и хроники. В конце концов варварские методы нового управления, соединенные с преступным расхищением и некомпетентностью новой советской администрации, привели в упадок и мастерские, принадлежащие монастырю.

Древние здания были превращены в груды развалин. Чекисты огородили монастырь колючей проволокой. Полуразрушенный Кремль (основная укрепленная территория монастыря) стал главным управлением СЛОНа¹. Все сферы деятельности Соловков находятся под управлением Ведомства по делам — сам Соловецкий лагерь, Кемлагерь на Поповом острове, лагерь на Конд-острове и места ссылок в Печерском и Зырянском районах. Кемлагерь на Поповом острове (он расположен в четверти мили от побережья и в 26 милях от города Кемь) является основной железнодорожной станцией Соловков. В нем скапливаются до открытия навигации тысячи новых заключенных, заброшенных на Соловки из всех уголков России. Обыкновенные уголовники, которых время от времени амнистируют, начинают свой путь на юг.

Заключенные непрерывным потоком перевозятся из Кемлагеря в монастырь, а из монастыря на Попов остров для работы, которая в основном выполняется на этом острове.

Прежде чем перейти к подробному описанию Соловецкой администрации, напомним, что когда прибыл во владения СЛОНа, в лагере находилось более пяти тысяч заключенных из трех категорий, описанных в предыдущей главе: контрреволюционеры, политические и шпана (т. е. просто уголовники). В самом монастыре контрреволюционеры и уголовники живут в церквях и кельях на территории Кремля, который избежал разрушения. А политические — в скитах отшельников, разбросанных по всему острову в трех, шести, восьми милях от Кремля.

На Поповом острове заключенные жили в бараках, построенных британцами, контрреволюционеры и шпана вместе, а политические — отдельно. Самым главным лицом в администрации Соловецкого лагеря особого назначения является московский чекист, член ВЦИКа Глеб Бокий (один из

---

¹ Соловецкий лагерь особого назначения

советских пароходов, между прочим, был назван в его честь). Это высокий худой человек, очевидно, хорошо образованный. Его манеры в основном производят мрачное впечатление, взгляд острый, пронзительный. Он всегда одет в военную форму. Это типичный непреклонный коммунист, прекрасно образованный и с элементами жестокости в характере. Он живет в Москве, где исполняет некоторые обязанности в ГПУ, и только время от времени наведывается на Соловки.

Его заместитель по фамилии Ногтев, постоянно находящийся в монастырском Кремле, и является истинным главой СЛОНа. Судьба заключенных полностью в его руках. Он тоже член ВЦИКа, а прежде был моряком на крейсере «Аврора». Это полуобразованный, выпивающий и несколько глуховатый человек, с жестокой физиономией. В лагерях он всем известен под прозвищем Палач. Когда Ногтев обходит бараки и скиты политических заключенных, они громко кричат ему в лицо: «Палач, убирайся!» (Я позже объясню, почему такая вольность остается безнаказанной).

Правой рукой Ногтева и его помощником является эстонский коммунист по имени Эйхманс. Он страдал парадоманией. Будучи помешанным на любви ко всему военному, он требовал того же самого и от заключенных, моря их постоянным голодом. Им всегда вменялось в обязанность приветствовать его по-военному. Сразу же по прибытии на Соловки он начал приказами и ударами обучать заключенных как следует отвечать на его приветствие «С добрым утром» (бодрый военный тон и стопроцентное внимание).

Когда я прибыл на Соловки, вплоть до марта 1924 года, комендантом КЕМПЕРРАСПРЕДПУНКТ-а¹ был некий чекист Гладков, который родился в центральной России, в Калуге, и прежде был рабочим. Он примечателен своим пристрастием к казенным деньгам и поразительным покровительством шпане.

Почти неграмотный, грубиян, пристрастившийся к вину и картам, он ничем не отличался от обычных уголовников. Все это послужило своеобразной идеологической почвой для того, чтобы Гладков установил произвол и диктатуру шпаны над контрреволюционерами и политическими, а мы были вынуждены сносить все это.

ГЛАВА 3

ГАЛЕРЕЯ ЧЕКИСТОВ

Осужденные чекисты в качестве тюремного персонала — «Прокурор» — Судьба иностранного гостя — Ближайший соратник Белы Куна — «Палки Смоленского» — Бунт в Московской тюрьме — «Мать» уголовников — Ненаказанный спекулянт.

В марте 1924 года произошла так называемая смена кабинета. Об этом я постараюсь рассказать ниже. А сейчас я продолжу свой рассказ о

---

¹ Это ужасное сокращение — прекрасный образец советской официальной фразеологии, обозначает Кемский пересыльно-распределительный пункт. Эти скучные официальные наименования не представляют абсолютного интереса для обычного читателя и приводятся здесь для изучающих проблемы Советской России.

руководстве из прежнего состава. Бокий, Ногтев, Эйхманс, Гладков — вот те люди, которые обладают властью. Они присланы из Москвы самим Дзержинским. Остальные представители персонала Соловецкого и Кемского лагерей были заключенными чекистами. В монастыре, на острове Попова их насчитывалось несколько десятков. Когда уже невозможно стало скрывать от глаз общественности взяточничество, мошенничество, произвол и омерзительное пьянство должностных лиц ГПУ, их начали привлекать к ответу за преступления.

Некоторые из них сосланы в иные места, другие же брошены в лагерь СЛОНа на сроки от двух до десяти лет. Тут они до сих пор используются по «специальному» назначению.

Я помню нескольких из сосланных чекистов, которые занимали и до сих пор занимают важные административные должности на Соловецких островах. Помощником Ногтева по административной части является некий Васко — грубый и жестокий негодяй. Это существо — «прокурор» Соловецких островов, и все документы, относящиеся к делам сосланных, находятся в его руках. Значимость деятельности этого человека может быть доказана тем обстоятельством, что все контрреволюционеры и политические считаются осужденными ГПУ (впрочем, всегда в их отсутствие и без всякого судебного разбирательства), а сроки заключения — неизменными. На самом же деле они находятся на положении лиц, чьи дела еще расследуются. В любой момент может быть обнаружена новая улика, имеющая отношение к делу заключенного, и срок будет продлен или его расстреляют.

Работа «товарища» Васко сводится к тщательному поиску любого нового факта или просто голословного заявления, что позволило бы более основательно закрепить арестанта на Соловках. И для достижения этой цели он использует агентов-provokаторов, фабрикует «новые» доказательства и т. д.

Управление технической стороной жизни нынешнего Соловецкого лагеря сосредоточено в руках Роганова — инженера, сосланного на Соловки за преступную профессиональную некомпетентность. Я не знаю, как он руководил на своем посту, но для всех очевидно, что сейчас Роганов, сменивший мундир, ничем не отличается от истинного чекиста: ни отношением к заключенным, ни самодовольным поведением. Его техническими помощниками и в монастыре, и на Поповом острове являются инженеры, набранные из арестантов. Эти люди так же бесправны и беззащитны, как и мы, все прочие.

Руководству Соловецкого лагеря особого назначения было предписано по причинам, о которых я расскажу позднее, добиваться самообеспечения. Под этим подразумеваются различные договоры с Карельской республикой, со всевозможными организациями и центральными властями об использовании труда заключенных на строительстве дорог и зданий, на лесозаготовках. Предпринимаются также попытки вновь восстановить на Соловецких островах разрушенные фабрики и мастерские. Хотя все это, как будет показано ниже, не заканчивается ничем, кроме провала.

Начальник управления СЛОНа в своем распоряжении имеет кого-то вроде «юридического советника по вопросам принудительного труда». Эту практически бесполезную обязанность выполнял Френкель — крупный венгерский фабрикант. Френкель прибыл в Россию по приглашению Внешторга, чтобы заключить торговые соглашения и взять в аренду некоторые советские предприятия на концессионных условиях. Вместо этого он оказался сосланным по приказу ГПУ на Соловки сроком на два года за «шпионаж в пользу международной буржуазии» (ст. 66 Уголовного кодекса). Иногда Френкеля направляют даже в Москву и Петроград по коммерческим и юридическим делам лагеря. Срок его наказания истекает в конце нынешнего года (1925), но согласно приказу ГПУ от августа 1924 года с Соловков его пошлют не в Венгрию, а в Нарым¹, затем в Туруханск² и, в конце концов, в Зырянский район. На более низком уровне администрация Соловков состоит из старост, командиров трудовых полков и командиров трудовых рот.

До недавнего времени старостой Соловецкого лагеря (он же и командир трудового полка) был чекист по имени Михельсон, увечное, уродливое создание, отличающееся дикой свирепостью. Когда в конце 20-х годов Советская власть осуществляла репрессии в побережном Крыму, Михельсон был правой рукой другого зверя — Белы Куна, бывшего диктатора Венгерской советской республики, которому он помогал в деятельности «председателя Триумvirата по руководству красным террором в Крыму». Михельсон, как и Бела Кун, прославился далеко за пределами Крыма казнями десятков тысяч врангелевских офицеров и солдат, а также гражданского населения. В итоге даже сам Дзержинский, которого никак нельзя заподозрить в человеколюбии, вынужден был положить конец крымским Варфоломеевским ночам. Белу Куна признали психически неполноценным, это проскользнуло в советских газетах, а Михельсона сослали на Соловки. В настоящее время он руководит действиями ГПУ в одной из автономных республик.

Другая достойная внимания личность — Мариан Смоленский, член польской компартии, ко времени моего прибытия на Соловки уже числился командиром трудовой роты. В середине 1924 г. его освободили, и он получил прибыльную должность в ГПУ. Смоленский не стал военнопленным в период советско-польской войны 1920 г., а перешел на сторону красных по собственному желанию. «Пролетарская солидарность» сочеталась в нем с ненавистью к своим братьям по классу. Он был неистовым польским шовинистом и к русским относился с такой жгучей ненавистью, что багровел от злости при одном только слове «Россия». Он безнаказанно предавался своей ненависти по отношению к заключенным, которых безжалостно избивал. Имя Смоленского увековечено в анналах Соловков «смоленскими

---

¹ В Западной Сибири на реке Обь.

² В Северо-Западной Сибири, близ устья Енисея.

палками», им: изобретенными. Это толстые изогнутые дубины, до сих: пор используемые для порки арестантов.

Нельзя обойти молчанием и другого командира трудовой роты Грохальского. Его расстреляли на Соловках осенью 1924 г. Грохальский заявлял, что при царе был. офицером интендантской службы. Он производил впечатление человека интеллигентного. У него был один глаз. В конце 1917 года, когда большевики захватили власть, его назначили комендантом Ораниенбаума на: Финском заливе. Там ему и выбили правый глаз, пулей, или ружейным прикладом.

Главная претензия Грохальского на популярность основывалась на том, что он принимал участие в знаменитом московском восстании в Бутырской тюрьме зимой 1923 г. Заключенные, которых годами держали под. стражей без предъявления какого-либо обвинения, пришли в полное отчаяние и подняли восстание под руководством политических (социал-революционеров). В одно прекрасное утро вся Москва пробудилась от диких воплей... Арестанты в количестве трех тысяч разоружил» внутреннюю охрану тюрьмы и потребовали, чтобы их дела были незамедлительно рассмотрены самим Калининым, председателем ВЦИКа, а также настаивали на отставке прокурора республики, небезызвестного Катаняна. Высунувшись из окон, они скандировали на всю Москву: «Мы требуем Калинина, нам не нужен Катанян».

Весь город устремился к тюрьме. Все ведущие к ней улицы были заполнены народом, многие аплодировали. Демонстрацию не удалось остановить ни убеждениями, ни угрозами. Истощенные вопли продолжались около двух часов. В конце концов ГПУ применило силу. Два полка специальных войск ГПУ (ЧОН¹) сломали сопротивление толпы и проложили путь к тюрьме. ГПУ настоятельно потребовало для восставших самого жестокого наказания. Организаторы были в тот же день расстреляны на тюремном дворе, всех остальных избili шомполами. Две недели тюрьма совершенно не отапливалась, хотя стояли сильные морозы. Все окна были разбиты. У узников отобрали шерстяные одеяла, посадив их на голодный паек. Те, которые стонали от холода громче всех, были сосланы на Соловки на пять лет.

В том числе оказался и Грохальский, которого через шесть месяцев все же расстреляли по заявлению Васко, обвинившего его еще и в подстрекательстве к демонстрации.

Квицинский, которого Фельдман отправил в Москву для разбирательства после расследования в Холмогорах, уже известен читателю. За свои страшные преступления он не понес никакого наказания и до сих пор продолжает на Соловках «славные традиции «Белого дома», постоянно прибегая к «смоленским палкам».

---

¹ ЧОН—часть особого назначения.

До смены кабинета весной 1924 г. комендантом Кемского лагеря, как я уже упоминал, был Гладков, покровитель всех уголовников. Но гораздо более сильную защиту своих интересов уголовники нашли в лице жены Гладкова, простой калужской крестьянки, в полном подчинении которой находился муж. Ее официальное звание — администратор. Но весь лагерь обращался к ней почтительно, называя «Мать». Этим именем нарекла ее благодарная шпана. И действительно, она была матерью для уголовников, которые с ее благословения отлынивали от работы, освобождались от наказаний, и вступалась за них, когда они грабили или плохо обходились с другими заключенными. Было совершенно бессмысленно подавать жалобу Гладкову, что уголовники украли у вас последние брюки. Комендант Кемского распределительного центра неизменно давал один и тот же ответ, прибавляя несколько непечатных выражений: «Меня не интересует, ограбили они тебя или нет, раньше у моей шпаны ничего не было, а ты — буржуй». Под покровительством Гладкова и «Матери» уголовники осуществляли в лагерях свою диктатуру. Фактически и по сей день они — привилегированная каста, аристократия Соловецких островов.

Помощником кемского коменданта до смены кабинета был Климов, тоже из арестованных чекистов. Прежде чем поступить на службу в ведомство Дзержинского, он являлся комендантом московского Кремля. Несколько позже находился в свите Троцкого. Будучи переброшенным на службу в ГПУ, он оказался талантливым взяточником. И даже начал отбивать клиентуру у председателя губернского ГПУ; поэтому его шеф избавился от него, сослав на Соловки на десять лет.

Но талантливые люди всегда на виду. На Соловках Климов продолжил свое прежнее занятие — взяточничество. Группа «Казино» привезла с собой во владения СЛОНа большие суммы денег и еще каждый месяц получала дотации от мадам Каменевой. Представители этой группы просто засыпали Климова деньгами, а в ответ он освобождал их от любых работ.

В 1924 году вместо того, чтобы стать перед судом, Климов был переведен в Соловецкий монастырь и там возглавил ВОХР¹. На его место прибыл человек по имени Правоторов, который вскоре опять уехал и стал комендантом Конда — острова близ Попова острова.

Помощником Гладкова и «Матери» по хозяйственной части был арестованный чекист Мамонов, молодой человек 22—23 лет. Его сослали на Соловки на 10 лет из-за «добродетельных» поступков, совершаемых всеми чекистами: взяточничество, пьянство, жестокое обращение с заключенными. Несмотря на свою молодость, Мамонов был опытным человеком. Невообразимым воровством государственного имущества (о чем сам регулярно сообщал народу, когда напивался), мошенничеством и некомпетентностью он полностью развалил хозяйство Кемлагеря, а счета привел в безнадежный беспорядок. Московский чекист Кириловский, который в конце

---

¹ Отряд внутренней охраны.

марта 1924 года сменил Гладкова, отказался принять руководство лагерем, пока специальная комиссия не расследует деяния Мамонова. Поэтому центром была назначена следственная комиссия. Она провела за проверкой мамоновских счетов и хозяйственных книг день в день целых пять месяцев. Открылась страшная картина материального урона, воровства и мошенничества, но Мамонов так и не понес наказания.

ГЛАВА 4

ЛАГЕРЬ НА ПОПОВОМ ОСТРОВЕ

Холод, сырость и тьма — Лагерь, его географическое положение и «преlestи» — Последние усовершенствования — Легкий труд за большую взятку.

Сама природа противится существованию такого явления, как каторга. Соловецкие лагеря особого назначения находятся очень далеко на севере. Климат там суровый и влажный. Лето длится только два-три с половиной месяца. Снег начинает стаивать очень поздно, и весна всегда задерживается. Часты бури, метели, пронизывающие северо-восточные ветры. Девять месяцев в году Соловецкий монастырь полностью отрезан от внешнего мира. Долгая темная зима особенно угнетает, тем более, что освещение в бараках скудное. Сырость, идущая от соловецких болот, вредно воздействует на здоровье заключенных, изнуренных тяжелым физическим трудом.

Монастырский Кремль, огороженный высокой каменной стеной, напоминает крепость. Там, в бывших монашеских кельях, живут контрреволюционеры и шпана. Им пришлось самим обеспечить себя койками, столами и топливом. Кроме того, эти группы заключенных занимают еще и церкви. Последние не так давно были разграблены, и многие из них стоят с разбитыми окнами.

Помимо основных (Преображенского, Троицкого — Зосимо-Савватиевского и Успенского соборов, а также храмов св. Филиппа и Благовещения Богородицы) существует еще около десяти церквей и часовен, а также множество отдельных отшельнических жилищ, в которых расквартированы политические. Чекистам же отведены дом архимандрита и лучшие кельи.

Попов остров имеет около трех миль в длину и две мили в ширину. Пролив между ним и материком узок (всего в четверть мили) и неглубок. Поэтому оказалось возможным перекинуть через него мост на деревянных сваях для узкоколейки, которая связывает остров с городом Кемь, ответвлением от линии Петрозаводск — Кемь — Мурманск.

Расстояние между станцией на Поповом острове и станцией Кемь (она находится в двух милях от города) около восьми миль: кроме того, ближе к Кеми на железной дороге есть еще и полустанок. От лагеря к островной станции идет деревянная пешеходная дорога из бревен. И точно такие же дороги внутри самого лагеря связывают его строения.

На восточной стороне Попова острова находятся две пристани — северная и южная. Используется же только последняя. Попов и Соловецкие острова разделяют около сорока миль: 12 миль до Рымбаки и еще 28 миль от Рымбаки до Соловецких островов. Море между Поповым островом и

Рымбаки зимой не замерзает, а между Рымбаки и Соловецкими островами замерзает. На Рымбаки находятся маяк и склады.

Фабрика «Северолес» расположена близко к южной пристани. На ней используется труд заключенных. Два больших здания рядом с лагерем близ склада лесоматериалов заняты красноармейцами 95-й дивизии.

Попов остров и его окрестности

1. Река Кемь.
2. Избушка станционного рабочего.
3. Полустанок.
4. Место, где начался наш побег (пунктирная линия , указывает наш маршрут в течение первой недели).
5. Два здания, занятые 95-й дивизией ГПУ.
6. Телеграфная станция.
7. Склад лесоматериалов.
8. Железнодорожная станция.
9. Здание «Северолеса».
10. Лагерь, огороженный проволочным забором.
11. Южная пристань (действующая).
12. Северная пристань (бездействующая).
13. Маяк.
14. Пристань.
15. Соловецкий монастырь, огороженный проволочным забором.
16. Секирная гора или Секирка — место наказаний.

На северной оконечности находится телеграфная станция. Зимой это единственное средство связи с Соловецкими островами. Монастырский телеграф расположен в Кремле. В ясную погоду с пристани Попова острова можно четко рассмотреть знаменитую Секирную гору на Соловецком острове.

Сам концлагерь имеет вид прямоугольного огороженного пространства, приблизительно в двести ярдов длиной и сто пятьдесят — шириной. Он стоит на болоте в юго-восточной части острова, а вокруг разбросаны груды камней. Близость болота способствует распространению малярии, цинги и легочных заболеваний. На Соловках заключенные ужасно мучаются из-за отвратительных комаров, которые роются на болоте, никому не давая покоя ни днем, ни ночью.

Лагерь огорожен высоким проволочным забором.. Вдоль него через определенные интервалы высятся часовые сторожки, вмещающие по восемь человек. В караульном помещении (вне лагеря) размещаются красноармейцы (в количестве 38 человек), являющиеся резервной силой. Они выполняют функцию наружной охраны и оказывают помощь в случае необходимости. Дежурные чекисты расквартированы внутри лагеря в комендантской. Все входы в лагерь и выходы из него осуществляются через главные ворота, охраняемые специальным караулом. Другие ворота (на плане помечены

цифрой 2) постоянно заперты. Они считаются запасными. Большая часть латерных барачков сооружена британцами, действовавшими совместно с русской северной армией под предводительством генерала Миллера. Руками заключенных уже при советском режиме построено совсем немного. До 1925 года в лагере не имелось ни уборной, ни больницы, ни электростанции, ни мастерских; не было и дорог, ни деревянных, ни грунтовых. Совсем еще недавно случалось, что арестанты тонули в липкой болотной жиже, а бараки заливались потоками жидкой грязи. Деревянные дороги из досок и планок поддерживаются утопленными в болоте сваями. Таких дорог и тропинок всего пять. Самая большая из них идет от главного входа до восточной стороны проволочного забора и называется Невский проспект. Другие дороги проходят от запасных ворот к Невскому проспекту и от него к уборной, к барачку № 1 (на плане он помечен цифрой 29), где живут политические. И от крайнего складского помещения — к больничному барачку (на плане цифра 36)

ПЛАН ЛАГЕРЯ НА ПОПОВОМ ОСТРОВЕ

1. Караульное помещение.
- 2—9. Сторожки для часовых (в каждой по 8 человек) вдоль проволочного забора.
10. Главные ворота.
11. Запасные ворота.
12. Женский барак (из двух отделений).
13. Лагерные чиновники и технический персонал.
14. Вторая трудовая рота.
- 15 — 16. Первая трудовая рота.
17. Деревянная дорога от запасных ворот.
18. Невский проспект.
19. Комендантская.
20. Специализированная трудовая рота. 21 — 22. Третья трудовая рота.
23. Тюрьма, дежурный квартирмейстер.
24. Кузница.
25. а, б, с. Груды камней.
26. Мастерские.
27. Электростанция.
28. Кухня.
29. Барак для политических. 30—33. Склады.
34. Уборная.
35. Помойка.
36. Больница.
37. Лошади, телеги.
38. Овраг.
39. Сеновал.

Грунтовые дороги проходят от Невского проспекта вдоль линий складских помещений (30—33 на плане), а от Невского проспекта мимо кухни,

мастерских, электростанции к больнице. И от комендантской — мимо барakov, где расквартированы контрреволюционеры и шпана. Кроме перечисленных, имеются еще несколько узеньких и неровных дорожек через болото — от барака политических к кухне и в другом месте.

Комендантская — здание № 2 (на плане цифра 19). Это помещение поделено на несколько отсеков, предназначенных для различных отделов управления лагерем: административного, хозяйственного и т. д. «Специализированная» рота, расквартированная в бараке № 4 (цифра 20 на плане), состоит из портных, сапожников, столяров и других специалистов, которые удовлетворяют нужды администрации и красноармейцев.

Электростанция находится на попечении инженера, по фамилии Красин. Прежде он был таможенником, но его уволили за спекуляции и сослали на Соловки. За мастерскими наблюдает «приверженец» Савинкова. Кухня вверена бывшему полковнику Решевскому, а конюшня другому контрреволюционеру — Ларину.

Делами лагеря управляет некий Павлов (Николай Иванович), продажный мошенник. Он берет взятки по аукционному принципу: тот, кто предлагает больше всего денег, высвобождает себе день. Приведу такой пример. На Поповом острове нет воды — ее необходимо доставлять из Кеми. Для этой цели предназначены две телеги с цистернами. Поскольку возить воду — самая легкая работа по сравнению с выкорчевыванием пней, за такой труд заключенные отчаянно соревнуются. И Павлов открыто спрашивал, кто больше заплатит за эту работу. Были трое арестантов, которые ухитрились провезти с собой крупные суммы денег. Они и предложили больше остальных (в складчину 150 рублей), и возили воду до самого моего побега. Высокое лагерное начальство проживает в небольшой рыбацкой деревушке (около 70 изб), недалеко от проволочного забора. Во время дежурства старшее должностное лицо квартирует в лагере.

ГЛАВА 5

ТИРАНИЯ УГОЛОВНИКОВ

Распределитель — Ограблены в первую же ночь — Неписанный закон уголовников — Наказание предателя — Профессорская посылка — Удачное вымогательство.

Все прибывшие на Попов остров заключенные направляются в лагерный распределитель. Не успели вы ступить на злополучную землю Соловков, как тут же ощущаете на себе всю силу шпаны. Когда наш этап, состоящий из кавказских контрреволюционеров, духовенства, группы «Казино» и многих других, приблизился к барaku № 6 (распределитель), то навстречу нам вышли вооруженные чекисты из заключенных. Им хотелось знать, были ли среди нашего этапа сотрудники или агенты ГПУ, т. к. последним ни в коем случае не следует входить в распределитель, иначе им грозит неминуемая смерть от уголовников. Несколько человек отошли в сторону. Остальные проследовали в барак № 6. Это был огромный деревянный сарай, до отказа набитый шпаной. Койки в нем располагались в два яруса один поверх другого. Ложа и

пол под нижним ярусом были покрыты полуобнаженными телами. В воздухе стоял такой ужасный смрад, что я едва удержался на ногах. Раздавались вопли и плач, отвратительная брань. Лампа в углу давала скудный свет. Я потому так подробно описываю распределитель, что все вновь прибывшие вынуждены пройти через этот мучительный этап своей неволи. Кроме того, ничто другое не может столь красочно охарактеризовать в целом условия Соловецких лагерей.

Будучи наученными своим прежним ростовским опытом, мы улеглись на собственные вещи, подложив их под головы. Но этой меры предосторожности оказалось совсем недостаточно. Ночью меня разбудил страшный шум. Пристально вглядываясь в полутьму, я с ужасом осознал, что все вещи наши разворованы: съестные Припасы растащены, корзины, чемоданы и коробки грубо вскрыты. Из одного угла раздавались вопли — там своеобразная судебная комиссия уголовников приговорила к порке своего друга, прибравшего слишком много чужого добра. В другом углу трое уголовников били четвертого по голове деревянными брусками. Он истекал кровью, но белье, которое цепко сжимал в руках, не отдавал. На верхнем ярусе, под самым потолком, на наши же деньги уголовники играли в «три листика» (русская карточная игра). Около дверей группа шпаны заключала торговую сделку с охранником, обменяв чей-то плед на спирт. На следующее утро мы, представители контрреволюционной группы, решили, что подавать жалобу бессмысленно. Но один заключенный из политических, эсер тоже из нашего этапа, с негодованием сообщил коменданту о поведении шпаны, по милости которой он остался среди зимы в одной рубашке. Комендант ради проформы явился в барак и очень нерешительным тоном потребовал: «Верните вещи. Что за безобразное поведение!» Уголовники ответили раскатистым хохотом. Не защити мы того человека, он в следующую ночь был бы убитым.

Утром епископу Иллариону Троицкому, ближайшему соратнику патриарха Тихона, давнишнему обитателю лагеря, было приказано сопровождать наш этап в барак № 9.

Обычные уголовники тесно объединены неписанным внутренним законом. Это полуголодные, полуобнаженные висельники, во множестве гибнущие ежедневно от цинги и сифилиса, тем не менее никогда не идут на риск. Особые благосклонность и покровительство, которые соловецкие власти распределяют на шпану, довольно легко объяснимы.

Враждебность, инстинктивно испытываемая уголовником к контрреволюционеру, образованному барину, в равной же степени присуща и каждому чекисту, поскольку он тоже видит в любом контрреволюционере монархиста и буржуа. Другая причина, делающая бесплодными жалобы на шпану, состоит в том, что большая часть соловецкой администрации тесно связана с уголовниками не только идейно, но и общим дореволюционным прошлым.

Когда я попал на Попов остров, шпаны в лагере насчитывалось 1400 человек. Число контрреволюционеров могло быть несколько раз поделено на эту

цифру. А политических было всего около 70 человек. Последние по причинам, о которых я скажу ниже, совершенно не работали. К тому же «Мать» постоянно освобождала уголовников от любых форм труда. Поэтому на плечи контрреволюционеров ложилась страшным грузом непосильная ноша изнурительного труда. Итак: шпана работает мало, политические не работают вообще, работают только контрреволюционеры.

Своеобразный этический кодекс соловецких уголовников объединяет всех их в неделимый союз. Этот закон применяется самым жестоким образом. Если уголовники обнаруживают, что среди них оказался «ссученый» (на их языке данное слово означает «изменник», разглашающий властям тайны), то его немедленно убивают наимучительнейшим способом. Нигде в такой степени не реализуется принцип «один за всех, все за одного», как: среди уголовников.

В середине 1924 года шайка разбойников, которой долгое время удавалось избегать поимки, наконец, была арестована в Москве. Их главарем являлся бандит по имени Моисейко. Дружки — грабители прозвали его «Петлюрой». И поэтому члены банды именовались «петлюровцами». Эти разбойники имели на своей совести, помимо нескольких вооруженных налетов, и множество ' «мокрых дел».

«Мокрое дело» на воровском языке означает убийство. Один из наиболее активных «петлюровцев», известный по кличке «Аврончик», сделался «ссученым», предал шайку и способствовал ее аресту. Банда состояла из 38 человек обоих полов, 30 из них были посланы «налево» (воровское жаргонное название расстрела) в Бутырской тюрьме в Москве. А восемь человек (среди: них Аврончик, а также четыре женщины, жены расстрелянных) отправили на Соловки. Когда предатель оказался в распределителе, внезапно уцелевшие «петлюровцы» чуть не до смерти избили его.

«Петлюровцев» — мужчин тут же арестовали, а Аврончика поместили в больницу. Но даже там ему не удалось спастись. Четыре женщины из банды проникли в больницу и убили Аврончика, проломив ему череп. Дело было переслано в Москву. ГПУ ответило коротко: «Расстрелять». И в ноябре 1924 года оставшиеся петлюровцы — мужчины и женщины — пали от чекистских пуль, своей гибелью подтвердив верность принципам уголовников. Если шпана не опасается убивать тех, кто ей неуютен, то еще меньше ее смущает грабеж всех и каждого. Кроме того, к грабежу вынуждает уголовников и постоянный голод, холод (на Соловках довольно часто можно видеть заключенных из шпаны совершенно голыми), их пристрастие к картам и вину.

Грабежи, неизменными жертвами которых являются контрреволюционеры, реализуются с профессиональным мастерством. Как я уже говорил, по прибытии на Попов остров нас перевели из барака № 6 в барак № 9. Последний состоял из четырех отделений, разделенных деревянными перегородками. В первом отделении жил староста лагеря, во втором — «казиношники», третье служило лагерной тюрьмой и в четвертом располагались мы, контрреволюционеры, имея с тюрьмой общую стену.

Несколько раз шпана проделывала с нами такого рода трюки. Уголовники совершали серьезные нарушения и намеренно попадали в тюрьму. Там они буравили в деревянной стене, отделяющей тюрьму от нашего помещения, отверстие ближе к полу и ночью, бесшумно проползая под нарами, выкрадывали вещи, продукты и деньги. И если кто-либо пытался требовать назад свою собственность, уголовники забивали его до полусмерти. Шпана всегда делилась своей добычей с лагерной охраной и со старостой. И поэтому никто из них совершенно не обращал внимание на наши жалобы. А однажды староста даже заявил, что это мы сами грабим друг друга. Иногда грабежи сменялись бесстыдными вымогательствами, тоже при попустительстве со стороны персонала. Например, среди заключенных нашего барака находился профессор Кривач-Неманец, очень старый человек (примерно 70 с лишним лет). По национальности чех, до тюрьмы служил переводчиком в комиссариате иностранных дел. Его сослали на Соловки (на 10 лет) по той же 66-й статье УК, что и всех остальных иностранцев — «шпионаж в пользу международной буржуазии». Конечно же, он был совершенно невиновен. Кривач-Неманец пользовался большим авторитетом в лагере. Его глубоко уважали главным образом за то, что он бег-до разговаривал практически на всех языках мира, включая китайский, японский, турецкий и, естественно, европейские. Профессор получил посылку с подарками от политического Красного Креста, возглавляемого мадам Пешковой, женой Максима Горького. Данная организация опекала только политических заключенных и, очевидно, считала контрреволюционеров обычными бандитами, бросив их на произвол судьбы, на милость соловецкой администрации и шпаны. Профессор радовался посылке, как дитя, но увы, недолго. Шпана вновь оказалась в тюрьме. Бандиты еще раз проломили стену и похитили наши вещи, включая и посылку Кривач-Неманца. На утро уголовники прибегли к шантажу. Нам всем хорошо был знаком этот метод. Через чекиста они прислали профессору письмо, в котором предлагали ему вернуть вещи за шесть червонцев (около 6 фунтов). Чех, промерзший в насквозь продуваемом бараке, счел искренним это предложение, несмотря на наши предостережения. И послал шпане через того же чекиста все деньги, буквально оставшись без копейки. Как мы и предвидели, ни вещи, ни деньги ему не возвратили. Некоторое время спустя несколько уголовников уехали с Соловков, среди них были и ограбившие профессора. По дороге на юг они послали ему письмо, в котором обещали «всегда помнить дорогого профессора, не забывать его до последних своих дней». Грабеж контрреволюционеров считался у уголовников чуть ли не делом чести, ограбить собственного товарища было строго наказуемым преступлением. Посылки для контрреволюционеров и политических хранятся в специальном помещении на Поповом острове в течение осени и зимы, пока не откроется навигация и не станет возможным сообщение с монастырем. Когда наступает весна, их переправляют в монастырь на специальном пароходе. Несколько раз уголовники вламывались в это

помещение, безнаказанно наслаждаясь плодами своего грабежа. И это полностью оправдывалось их сотоварищами. Но однажды, когда в разграбленном бараке оказалось несколько посылок для уголовников, с виновниками обошлись самым жестоким образом: двое взломщиков были просто убиты.

ГЛАВА 6

КОНТРРЕВОЛЮЦИОНЕРЫ

Самая тяжелая работа для контрреволюционеров — «Контрреволюционер» — многозначный термин — Пестрое разнообразие — Особые гонения на духовенстве — Выдающиеся деятели церкви.

Политические на Соловецких островах живут в отдельных кельях, в пещерах отшельников. А на Поповом острове — в специальном бараке.

Контрреволюционеры же в монастыре, и в Кемском лагере находятся вместе с обычными уголовниками. Монастырские кельи и лагерные бараки заполнены до отказа тщательно перемешанной людской массой шпаны и контрреволюционеров.. Они не только выполняют самую тяжелую работу и содержат в порядке собственные помещения, но помимо этого им вменяется в обязанность и мытье нар уголовников от грязи, очистка их от остатков пищи, плевков и вшей. Как только прибывает новая партия контрреволюционеров ее тут же заставляют мыть бараки, которые настолько загажены шпаной, что после этой повинности они просто заболевают.

В 1924 году два полных месяца полторы тысячи контрреволюционеров были привлечены для очистки лагеря на Поповом острове. Достаточно сказать, что очень часто уголовники отправляют свои естественные надобности прямо на месте, т. е. в бараках.

Конечно, уголовники несколько не испытывают благодарности за все, что для них делается. Напротив, этот труд, глубоко унижающий человеческое достоинство, воспринимается шпаной как должное. Исполнители этого позорного труда с благословения лагерной администрации подвергаются все новым и новым издевательствам. К примеру, когда мы вычистили указанный администрацией грязный барак, «благодарная» шпана прислала нам ультиматум с подробным перечнем большого количества продуктов: чая, хлеба, сахара, табака и т. д. Все это немедленно должно быть вручено уголовнику, принесшему ультиматум. Предварительно предупредили, что в случае отказа нас сначала избьют, а потом дочиста ограбят. Мы вынуждены были отдать требуемые продукты. Такого рода ультиматумы пользуются большой популярностью среди шпаны. Она забрасывает ими контрреволюционеров и в монастыре, и в Кемлагере.

Очень трудно дать точную оценку или сделать тщательный анализ той категории заключенных, к которой относятся контрреволюционеры. На Соловках их довольно много — около трех тысяч. Они включают в себя разнородные элементы. Разделение их на группы, даже на условные, приведет читателя к осознанию того, кто они есть на самом деле и почему

они находятся на Соловках. Но этого будет явно недостаточно. В лагерях имеется много контрреволюционеров, которых вообще невозможно классифицировать.

В Соловецком лагере особого назначения немало представителей так называемых гуманитарных профессий: адвокатов, литераторов, учителей, врачей. Очень много учителей начальных и средних классов, а также университетских преподавателей, как мужчин, так и женщин, причем последние составляют большинство. Имеется немалое количество крестьян, рабочих, ремесленников и мелких служащих. Довольно хорошо представлены донские, кубанские, сибирские казаки и народы Кавказа. Из нерусских, являющихся советскими подданными, наиболее многочисленны на Соловках эстонцы, поляки, карелы (некоторые из них вернулись из Финляндии, поверив в амнистию) и евреи. Последние преимущественно присылаются сюда со своими семьями и за причастность к сионизму, и за экономическую контрреволюцию, и за так называемый «вооруженный бандитизм», под которым ГПУ подразумевает все, что ему заблагорассудится: от членства (даже в прошлом) в монархической партии, до производства фальшивых банкнот.

На Соловках много иностранцев, о которых более подробно я скажу ниже. Самые большие группы заключенных составляют офицеры старой и новой армий, деловые люди дореволюционной поры и нэпманы¹, видные представители старого режима — бюрократы и аристократы, а также духовенство.

В настоящее время здесь находится приблизительно триста епископов, священников и монахов. К этому количеству следует прибавить несколько сотен мирян, сосланных вместе с духовными лицами, главным образом по 72-й статье УК — «религиозная контрреволюция, сопротивление конфискации церковных ценностей, религиозная пропаганда, обучение детей в религиозном духе» и т. д. Духовенство на Соловках хотя и является самой притесненной и униженной лагерными властями группой заключенных, обращает на себя внимание смирением и стоицизмом, с которыми оно переносит физические и нравственные страдания. Будучи приученными с детства к тяжелому физическому труду, представители духовенства справедливо почитаются лучшими работниками в лагере. И с этой точки зрения почти по достоинству оцениваются администрацией, хотя они и эксплуатируются самым бесчестным образом. Священников посылают на изнурительнейшие работы; например, все отрезки узкоколейки были уложены исключительно духовными лицами. Естественно, любые виды религиозных служб находятся под запретом. В лагере на Поповом острове скончался один священник, немощный старик. Перед смертью он со слезами на глазах умолял коменданта позволить владыке Иллариону совершить над ним святое причастие. Комендант в оскорбительной форме отказал умирающему.

---

¹ Термин «нэпман» применяется к деловым людям, разбогатевшим при НЭПе (новой экономической политике, введенной в 1922 г.

Каждый день считается рабочим, и на Пасху или Рождество власти стараются поручить представителям духовенства наиболее унижительную работу, например, чистку отхожих мест.

В Соловецкий лагерь особого назначения заключены следующие известные деятели церкви: владыка Илларион (Троицкий), глава московской епархии, самый близкий помощник последнего патриарха Тихона. Ни на свободе, ни в тюрьме митрополит Илларион не вступал в конфликт с Советской властью, но он всегда был решительный сторонник истинного православия в противовес «новой церкви», которую щедро субсидирует ГПУ. За отстаивание религиозных убеждений и за тесную связь с патриархом Тихоном епископа сослали на три года в Архангельск, где он отбыл срок наказания в самых ужасных условиях. По возвращении в Москву вновь принялся энергично бороться против «новой церкви». Мастерски участвовал в богословских дискуссиях, немилосердно развенчивая коммунистический вздор своего оппонента Луначарского¹ и снова был сослан, на сей раз на Соловки.

Владыка Михаил (Лемешевский) управлял делами Петроградской епархии после расстрела митрополита Вениамина. Приговоренный к ссылке по статье 72 УК («религиозная контрреволюция»), под которой большевики подразумевают защиту «новой церкви» от разрушительных натисков православия, в сентябре 1924 года епископ прибыл на Соловки.

Шесть других епископов и монахов, а также 12 мирян были высланы в то же время и по той же статье.

Епископа Серафима (Колпинского), епископа Петра (Соколова), исполнявшего обязанности епископа Саратовского, и епископа Питирима (Крылова), игумена Казанского монастыря, а также 15 представителей монастырского черного и белого духовенства, всех до единого, сослали на Соловки по той же 72-й статье.

Сотни прочих епископов, священников и монахов депортировались не только из-за того, что исповедуемая ими религия была «опиумом для народа», но и потому, что они не желали оправдывать разграбления церковей якобы для помощи страдающим от голода, а наоборот публично осудили эту акцию, как дело рук сторонников «новой церкви», подкупленной государством.

ГЛАВА 7

ЖЕРТВЫ ЧК: НЕКОТОРЫЕ СТРАННЫЕ СЛУЧАИ

Жена и муж — Обман ежегодной амнистией — Ужасный конец Бориса Савинкова — Помощь голодающим — «преступление» — Дзержинский в неожиданном освещении — Неутомимый охотник за паразитами — пытки старых заложников.

Причины, по которым людей ссылают на Соловки, так разнообразны и настолько безосновательны, что их невозможно расценить как простое изобретение чекистской «юриспруденции».

---

¹ Народный комиссар просвещения в Советском правительстве.

К примеру, среди заключенных находится престарелая графиня Фредерике. Во время войны в качестве сестры милосердия от Красного Креста эта пожилая дама исполняла великую миссию, заботясь о раненых офицерах и солдатах. А сейчас она не получает никаких посылок от Красного Креста, но чем может помогает больным и постоянно находится в полуголодном состоянии, без конца подвергаясь насмешкам и оскорблениям. Ее сослали только за то, что она имела несчастье быть сестрой графа Фредерикса, министра императорского двора при казненном царе. Его хорошо знали как ближайшего советника Николая II. Именно в то время, как графиню сослали на Соловки, сам граф, глубокий старик почти столетнего возраста, до последнего времени жил на свободе в Петрограде. Только относительно недавно ему разрешили выехать в Финляндию.

В одной из келий Соловецких островов (в так называемом женском здании) томится жена известного государственного деятеля старого режима, страдая от недоедания и непривычного тяжелого физического труда. Официальное заключение по ее делу гласило: «Сослать на Соловки на пять лет жену министра Николая кровавого» в то время, как сам министр занимал высокую должность в советском правительстве.

Слесаря по фамилии Тимошенко привезли на Соловки из Воронежа на двухлетний срок. Это был обыкновенный рабочий, ничего общего не имеющий с политикой. Он все время пытался добиться ответа на вопрос, за какое такое преступление его бросили в концлагерь. И только в 1925 году, по прошествии двух лет заключения, его обвинили в принадлежности к «контрреволюционной организации Савинкова»¹ и увезли в Нарымский край еще на три года.

В это время из Новохоперска (уездный город в Воронежской губернии) на Соловки были еще присланы «савинковцы». Среди них Врашников, бывший управляющий владениями графа Воронцова-Дашкова на Кавказе, Савинов — специалист, Кривякин — управляющий делами в советском учреждении и другие. К ним следует еще прибавить инженера из Полтавской губернии по фамилии Новицкий и группу воронежских крестьян. Многие из крестьян, когда им говорили на Соловках, что обвиняются в соучастии в «савинковском заговоре», с подозрением спрашивали: «Савинков? Кто он, генерал?»

В мою бытность на Соловках туда прибыл некий Эпштейн, приговоренный к трем годам. Когда он спросил, почему его высылают, то получил от следователя такой ответ: «Потому что вы — деловой человек».

Аналогичный ответ слышал и другой «преступник», еврей-портной по фамилии Гуриев, в прошлом владелец магазина готовой одежды (сейчас он заведует швейной мастерской в Кемлагере).

Не так давно из Польши в Россию бежали два поляка — Минич и Винтовский. Пограничные власти устроили пышную встречу беглецам, «спасшимся от жестокой неволи польских панов». Но московское ГПУ

---

¹ . Савинков, известный руководитель социал-революционеров

отправило их на Соловки на три года. Оба поляка проклинали сейчас тот день, когда решили пересечь границу «самого свободного в мире государства».

Ежегодно в Кемь прибывает две тысячи контрреволюционеров, которые пересылаются на Соловецкие острова с открытием навигации. Наибольшее число их поступлений приходится на предшествующий 7 ноября месяц, т. е. дню большевистской революции 1917 года (25 октября по старому стилю). К данному юбилею ВЦИК каждый раз обнародовывает крупномасштабную амнистию для «всех врагов правящего пролетариата», развенчивая таким образом «зловещую ложь международной буржуазии и бесстыжих эмигрантов» о жестокости Советской власти. На деле разыгрывается настоящий спектакль (иначе не назовешь). Председатели провинциальных в районных отделений ГПУ, выполняя декреты «гуманного» ВЦИКа, расстреливают половину своих заключенных за несколько дней до объявления амнистии, а остальных направляют в концлагерь. Выходит в действительности, что в день 7 ноября • никого не амнистируют, т. к. никто не попадает под сроки действия постановления об амнистии. От всей этой процедуры получают удовлетворение лишь ВЦИК и ГПУ, ибо «ложь бесстыжей буржуазии» разоблачена.

Я мог бы заполнить целые страницы именами людей, «амнистированных» таким образом. Приведу случай, когда был «амнистирован» не только сам человек, оказавшийся весьма недалеким, но и все его родственники. В конце 1923 года солдат деникинской армии, крестьянин из Полтавской губернии вернулся в Россию, услышав об амнистии, объявленной советским правительством в ноябре месяце. На границе ему вручили советский паспорт, а по приезде домой он сходил в уездное ГПУ, был зарегистрирован, затем отпущен к родным, среди которых провел несколько дней. После этого в начале 1924 года его отправили в Нарымский край Сибири на три года, в то время, как его отца и тетку ГПУ бросило на Соловки за укрывательство контрреволюционера (статья 68 УК). Ко времени моего побега эти крестьяне — жертвы «чудной амнистии» — все еще находились на Соловках, ожидая пересылки в Зырянский район.

На Соловки постоянно присылались и «амнистировались» эмигранты. Перед самым моим побегом прибыла большая группа эмигрантов, в основном состоящая из рядовых солдат, с несколькими офицерами. Среди них кавалерист — субалтерн Менуэль и Шапруненко, бывший адъютант гетмана Украины Скоропадского.

Подлинная амнистия распространялась советскими властями только на тех людей (будь то эмигрант или советские граждане), чьи имена могли быть впоследствии использованы, как приманка. Такие господа, как бывший генерал Слащев и подобные ему отступники, могут жить на свободе и занимать ответственные посты, пока это устраивает ГПУ и пока ГПУ

считает, что имена таких «сменовеховцев»¹ можно использовать как доказательство «доброй воли советской власти, которая амнистировала всех раскаявшихся эмигрантов». Но, когда изменника используют в своих целях и он становится ненужным, его, как правило, если не ссылают, то отправляют на тот свет. Достаточно вспомнить судьбу известного социал-революционера Савинкова, «амнистированного» большевиками, после чего чекисты его выбросили с пятого этажа тюрьмы.

Простых эмигрантов, которые возвращаются, немедленно ссылают на Соловки или в Нарымский край в том случае, если по отношению к ним не применена высшая мера (расстрел). Под угрозой последней всегда находятся офицеры. Опасность расстрела, как дамоклов меч, висит постоянно над ними. Советское правительство, оплачивая злом за добро, бросает в концлагерь людей, «запачкавших» себя работой в организациях, о которых несчастный русский народ всегда будет хранить добрую память.

На Соловках среди заключенных находится зубной врач, московский еврей по фамилии Малеванов. Он активно помогал американской благотворительной организации в пользу голодающих, результатом чего и стала ссылка на Соловки на 5 лет. Поскольку в настоящее время в Уголовном Кодексе СССР не предусмотрена какая-либо кара за оказание безвозмездной помощи голодающим, к Малеванову была применена статья, связанная с «экономическим шпионажем». Несколько русских, сотрудничавших с американским благотворительным обществом в пользу голодающих и подобными филантропическими организациями других стран, были высланы «благодарным» ГПУ в Сибирь, в Нарымский и Печерский края.

Карпов, известный управляющий сценой Александровского театра в Петрограде, впоследствии Большого и Малого театров в Москве, был сослан на Соловки, с другими артистами — Юровским, Георгисом и прочими — по обвинению в контрреволюции. Во время моего пребывания там Карпова препроводили в другое место.

Если чекисты желают кого-либо сослать, но не могут найти подходящего предлога, то для этой цели весьма-удачным оказываются статьи 68 («Укрывательство-контрреволюционера») и 72 («Религиозная контрреволюция»).

Один из самых курьезных случаев — это история человека по фамилии Витте из Петрограда. Его сослали: за то, что он носил «контрреволюционную» фамилию.

Инженеры-коммунисты (среди них некий Осипов, прославившийся на весь лагерь чрезмерной завшивленностью), морские офицеры-сексоты², ювелиры, парикмахеры, помещики, сторонники Махно (руководителя украинского партизанского движения), «экономические бандиты», командиры войск ГПУ,

---

¹ Название, обычно даваемое людям, придерживавшимся прежде антисоветских настроений, но которые изменили своему политическому курсу и сделались послушными большевистскому правительству.

² Секретные сотрудники ГПУ.

часовщики,— коротко говоря, заключенные представляют собой все известные профессии, общественные уровни, положения и должности. Очень любопытен случай братьев Мышеловиных, часовщиков. Они обвинялись в подделке и выпуске банкнот, хотя свидетельские показания, представленные следователю, и результаты домашнего обыска выявили, что в то время, как один из братьев действительно изготавливал фальшивые банкноты, второй был совершенно невиновен. И каким же оказалось решение ГПУ? Виновного сослали на Соловки на три года, невиновного — на десять лет. Мотивы, которыми руководствуются чекистские суды при вынесении подобных приговоров, так и останутся навсегда для нас тайной.

Довольно любопытной фигурой был технический инженер Красильников Николай Дмитриевич. Его сослали на Соловки за «религиозную контрреволюцию», но в действительности ни к чему подобному он не имел никакого отношения. До революции инженера хорошо знали как толкового и решительного противника социализма всех оттенков. Когда большевики пришли к власти, Володарский несколько раз посылал за ним и пытался убедить инженера прекратить проповедь контрреволюции. Но неистовый инженер, пользуясь громадным авторитетом среди рабочих, продолжал выступать с речами и печатать свои памфлеты. Вскоре он перебрался в Москву, где продолжал активную деятельность, целью которой была, как и в дореволюционные дни, дискредитация социализма любого толка.

Сам Дзержинский заинтересовался Красильниковым и послал за ним. Инженер явился в штаб-квартиру ГПУ и там, в кабинете председателя Чрезвычайной комиссии, Дзержинский и Красильников дискутировали в течение нескольких часов подряд о социализме и его утопических целях. Наверное, это был единственный случай в жизни Дзержинского, когда он позволил кому-либо свободно высказаться. И где? В самом здании ГПУ! Красильников — блестящий оратор — пытался убедить главу чекистов полностью отказаться от надежды воплотить в реальность такую абсурдную идею, как социализм. Дзержинский не мог согласиться и пустил в ход доказательства другого рода.

...Ночь тянулась медленно, Дзержинский предложил инженеру складную кровать в своем кабинете. А на утро распорядился, чтобы Красильникову принесли кофе и позволили уйти. Но вскоре, однако, его арестовали низшие чины ГПУ и сослали на Соловки. В лагере Красильникова буквально поедали вши. Я сам, пройдя через дюжину тюрем по пути на Север, имел представление о паразитах, но никогда и нигде не доводилось быть свидетелем такой невероятной завшивленности, как у инженера. Ежедневно утром и вечером он уничтожал паразитов в огромных количествах и каждый раз при этом восклицал: «Ага, держи ее, теперь следующая!»

Соловки проглатывают как старых, так и молодых. В феврале 1925 года на Попов остров прибыло 50 студентов и школьников из Феодосии, Симферополя и Ялты. Они получили по 3 года каждый за организацию «контрреволюционного заговора совместно с иностранной буржуазией». Под такой формулировкой подразумевалось то, что руководство заговором

осуществлялось из Константинополя. Но все это было совершенно бездоказательно. Кроме взрослых студентов, этап включал еще 20 учеников средних и старших классов, почти еще мальчиков.

Незадолго до моего приезда на Соловки, ГПУ Закавказской советской республики прислало туда сорок очень старых чеченцев¹. Один из них выглядывал из окна, что запрещалось некоторыми чекистами. Указанное явилось основанием, что вся эта группа была послана на Секирную гору, известную на Соловках как место пыток, посажена в «каменный мешок» (данная процедура описана в последующей главе) и выпорота «смоленскими палками» до потери сознания. Одному из стариков было 110 лет.

Старых чеченцев сослали в качестве заложников из-за сыновей, внуков и правнуков, которые присоединились к партизанским отрядам и ведут непрекращающуюся войну с большевиками. Эта война продолжается до сих пор. Сами же заложники не совершали никакого преступления. Практика брать заложников и осуществлять жестокие репрессии против родственников и даже против знакомых повстанцев и эмигрантов была развита советскими властями в сложную систему террора, которая не гнушается ничем для достижения своей цели — абсолютной покорности всего русского народа воле руководителей коммунистической партии.

ГЛАВА 8

ПОЛИТИЧЕСКИЕ — ПРИВИЛЕГИРОВАННЫЙ КЛАСС

Современные отшельники — Почему с ними лучше обходятся —

Культурные привилегии — Мужество и дисциплина социалистов —

Голодовки — «Разгрузились» обычными уголовниками — Выдающаяся советская брошюра.

Политических на Соловках в настоящее время около 500 человек, включая 150 женщин и несколько десятков детей. Дети содержатся в таких условиях, что и взрослые заключенные, с равными правами и обязанностями и получают такой же паек.

На Поповом острове из политических находятся 60 мужчин и 20 женщин.

Большинство из них — члены социал-революционной, социал-демократической, бундовской, анархической, а также подобных партий. Все они сосланы за активную оппозицию Советской власти в 1917—1919 годах и за последующую пассивную критику ее действий.

Соловецкий остров (на котором стоит монастырь) приблизительно составляет около сорока миль в окружности и усыпан пещерами, в которых в прошлом обитали монахи и отшельники, а также святые мужи, давшие обет молчания. Эти пещеры высечены в утесах и напоминают средневековые деревенские жилища. Они разбросаны по всему острову на расстоянии трех—шести или даже десяти миль от монастыря. Тут группами расселены

---

¹ Кавказская национальность.

политические по двадцать — тридцать человек в каждой пещере. В Кемлагере они живут в специальном бараке № 11 (помеченном на плане цифрой 29), который поделен на два помещения — одно для мужчин, другое для женщин и детей. Барак огражден проволочным забором и охраняется специальными часовыми.

На указанном Соловецком острове политические могут довольно свободно, без охраны, ходить по всей территории и навещать друг друга. На Поповом острове их выводят на прогулки для физических упражнений в сопровождении часового. Политические никогда не соприкасаются с контрреволюционерами и уголовниками. Имея в идеологическом отношении гораздо больше общего с большевиками (если, конечно, вообще можно говорить о какой-либо большевистской идеологии), нежели контрреволюционеры, политические, естественно, привлекают определенное внимание со стороны советских властей к своим нуждам и требованиям. В этом смысле на Советскую власть влияет отчасти и правое крыло Коммунистической партии, а в значительной степени — социалисты Западной Европы, к чьим мнениям коммунисты, несмотря на нее возражения, все-таки прислушиваются. В итоге, когда политические прибывают в места ссылки — на Соловки и другие лагеря, их помещают в райские условия по сравнению с почти невыносимым существованием контрреволюционеров. Только после «смены кабинета» весной 1924 года контрреволюционерам было позволено переписываться с родственниками (письма при этом тщательно прочитываются чекистами) и получать с воли посылки. Политические же всегда пользовались такими правами.

Если контрреволюционер не имеет родственников или его родственники не могут прислать ему деньги, продукты и другие необходимые вещи, он обречен на голодную смерть, поскольку лагерной пайки, выдаваемой наперед за 10 дней, едва хватает лишь на пару суток. При этом не следует забывать, что ГПУ, отправляя его в ссылку, как правило, конфискует все принадлежащее ему и его семье имущество. Политические же, получают все необходимое не только от своих родственников, но и еще от:

1. Политического Красного Креста, возглавляемого мадам Пешковой¹.
2. Иностранных социалистических организаций, в громадных масштабах посылающих помощь.
3. Комитета помощи российским ссыльным и заключенным.

Следует отметить, что контрреволюционеры никогда не имели такого рода поддержки. Политические располагают собственной библиотекой, которая постоянно пополняется новыми русскими и иностранными книгами.

Им позволено подписываться на советские газеты и иностранные журналы неполитического содержания. Они имеют право на создание обществ для культурных целей. Вожди политических читают газеты и по различным вопросам организуют дебаты, как в пещерах, так и в бараке № 11.

---

¹ Жена М. Горького

Политическим разрешены и занятия спортом Администрация внимательно прислушивается к любой поданной ими жалобе.

Контрреволюционеры не располагают такого рода возможностями. Им доступна только лагерная читальня. Но так как шпана периодически превращает ее в отхоже место, ни один из них даже не заглядывает туда. Всего приходят два периодических издания — газета «Беднота» и журнал «Безбожник». Но даже такого рода литература попадает к контрреволюционерам только через 2—3 месяца после ее прибытия, поскольку вначале читает кемская администрация, затем соловецкая и, в конце концов — красноармейцы. Естественно, им не разрешено заниматься культурной деятельностью, не говоря уже о политической, да и времени у них на это нет, так как они без конца загружены непосильной работой. Жаловаться бесполезно (как администрация рассматривает жалобы, поступающие от контрреволюционеров, читателям уже известно). И наконец, политические, согласно установившейся традиции, вообще не работают, что является огромным преимуществом, но в то же время — вопиющей несправедливостью. Весь объем работ, как вне лагеря, так и внутри возложен в первую очередь на плечи контрреволюционеров и в меньшей степени шпаны, участие которой в тюремном труде практикуется с недавнего времени.

Но только ли благодаря симпатиям зарубежных социалистов и некоторой терпимости Советского правительства политическим удастся обеспечить для себя более или менее сносное существование на Соловках? В большей степени — это заслуга самих политических.

Я — убежденный противник социальной программы политических, основополагающие задачи которой, не отличаются от большевистских идей и являются современной утопией. Но тем не менее я не могу не воздать должное настойчивости и бесстрашию, которые они проявляют (при необходимости не останавливаясь ни перед какими человеческими жертвами) в отношении своих требований, выдвигаемых ими как сплоченной единой организацией для того, чтобы облегчить отвратительные условия жизни в ссылке. Дисциплина социалистов превосходит даже дисциплину шпаны. Они бы, не дрогнув, объявили голодовку, подняли бы восстание и почти без колебаний приняли бы саму смерть, чем согласились бы обречь на неудачу поставленную цель.

Зимой 1923 г. в Соловецком монастыре политические (числом более 1000) устроили около пещер каток. Лагерная администрация сделала замечание группе конькобежцев, распевавших революционные песни. Был отдан приказ прекратить пение, но политические не повиновались. Тогда Ногтев прислал на каток взвод красноармейцев и распорядился открыть по конькобежцам огонь без предупреждения — 9 человек (6 мужчин и 3 женщины) были убиты, многие ранены.

Политические объявили голодовку и потребовали прислать из Москвы следственную комиссию. Буквально все они приняли участие в голодовке и на Поповом острове, и на Соловецком. Некоторые от истощения не могли

стоять на ногах, и их отправили в больницу. Одним из голодающих политических был хорошо известный социал-революционер Богданов, который до своей отправки в Нарымский край в апреле 1925 г. на Соловках являлся общепризнанным лидером социалистов. Ногтев пошел в больницу, чтобы убедить их прекратить голодовку, но его встретили криками: «Палач!» Богданов, озабоченный тем, чтобы Ногтев своим присутствием в палате не причинил беспокойство ослабленным людям, попросил сопровождающих вынести его на носилках во двор, где он в упор задал вопрос Ногтеву: «Что вам угодно?» На что Ногтев вновь попытался убедить «его прекратить голодовку. «Это все, что вы можете сказать? — ответил Богданов. — Отнесите меня назад в больницу. Я не хочу разговаривать с убийцей». В конце концов политические добились своего. В сентябре того же года была назначена комиссия, состоящая из Смирнова (прокурор Верховного суда СССР), Катаняна (прокурор ГПУ) и Сольца. Но социалисты не получили от комиссии всего того, что ожидали. Ногтев не понес никакого наказания за расстрел девяти человек. Комиссия установила, что он действовал в целях самообороны.

Летом 1924 г. политические вновь объявили голодовку, на сей раз потребовав, чтобы было улучшено питание. Голодовка длилась 13 дней. Несколько человек умерло, а около сотни доставили в больницу. И опять обратились за указаниями в Москву. Но на этот раз требования политических были удовлетворены. Начиная с этого времени, они стали ежедневно получать по два фунта хлеба (белого и черного), один фунт мяса, хорошее масло, молоко, яйца и т. д. Такие пайки выдаются им до сих пор. В конце 1924 — начале 1925 годов на Соловки начали прибывать университетские студенты из Москвы, Петрограда и других городов. Советское правительство стало изгонять из учебных заведений и арестовывать студентов буржуазного происхождения, чтобы освободить дорогу коммунистам¹.

Они прибыли в три этапа. Первые два, состоящие приблизительно из 100 человек, включая 30 студентов, приехали в Кемь в августе 1924 года. Этапы состояли из представителей всех партий (монархистов, социал-демократов, анархистов и др.). Вновь прибывшие заявили, что являются заключенными политической категории и потребовали разместить их в пещерах с предоставлением всех льгот для «отшельников» с улучшением питания. Администрация отказала в их просьбе. Студенты объявили голодовку и все политические поддержали их. После того, как несколько человек погибли от голода, студентов признали политическими заключенными и послали на жительство в пещеры Конд-острова.

Конд-остров расположен в 10 милях от монастыря. Прежде туда направляли «сексотов» (секретные агенты ГПУ) обоих полов. Их обязанность — осуществлять слежку за заключенными и составлять на них доносы. Ногтев

---

¹ Из книги «ЧК» Георгия Попова, ст. 257—259.

подкупает нужных для этих целей людей при помощи улучшенных пайков. А когда необходимость в них отпадает, поселяет в отдельных пещерах.

Третья группа студентов (в количестве 26 человек, включая двух анархистов) прибыла в Кемь в апреле 1925 года. По дороге из Петрограда в Кемь эти арестанты разнесли вдребезги вагоны, в которых ехали. Администрация отказалась причислять их к политическим. Студенты, вновь поддерживаемые социалистами, объявили голодовку, которая продолжалась пять недель. Ногтев обратился в ГПУ, а оно распорядилось вернуть студентов в Петроград. Дальнейшая судьба их мне неизвестна.

Все переговоры с властями политические ведут через «генерала» Эйхманса, публично бойкотируя виднейших представителей ГПУ и наркомюста (народный комиссариат юстиции), отказываясь от общения с Ногтевым.

В конце 1924 г. на Соловки приехала так называемая «разгрузочная комиссия», состоящая из Смирнова, Катаняна, Глеба Бокия и секретаря. Заключение связывали с ней большие надежды, но они не оправдались. Комиссия на самом деле разгрузила Соловки, но только от шпаны. Около 400 уголовников были освобождены, но ни одного контрреволюционера или политического. Во время прощания с отъезжающей шпаной Катанян заявил всем собравшимся арестантам: «Если освобожденные сейчас заключенные исправятся и станут полезными гражданами Советской республики, то в будущем году я приеду еще раз и освобожу другую группу».

Таким образом, участь контрреволюционеров и политических была поставлена в зависимость от поведения уголовников на свободе. Комиссия пробыла на Соловках три дня и большую часть времени развлекалась охотой. Чекисты истребили последних уцелевших диких и прирученных животных (приручением в прежние времена занимались монахи). В последний день Катанян посетил пещеры Соловецкого монастыря. Но политические выгнали его с криками: «Убийца, убирайся! Палача вон!»

Прокурор Верховного суда Смирнов созвал собрание и выступил с долгой пространной речью. Его доклад был всецело посвящен опровержению «бесстыдной клеветы эмигрантской белогвардейской прессы и зарубежных буржуазных газет». Особым нападкам он подверг газету социалистов-эмигрантов «Дни»¹ за то, что она «своей преступной ложью о Соловках вводит в заблуждение пролетариат Западной Европы».

По возвращении в Москву Смирнов написал и издал брошюру под названием «Соловки» (Государственное издательство, Москва, 1925 год), в которой он заявляет, что здесь царит «полная свобода», что обращение администрации с заключенными «более чем мягкое». В довершение всего этого балагана Смирнов не отказывает себе в удовольствии открыто насмеяться над заключенными. Большое число экземпляров брошюры было прислано в Соловецкие лагеря, роздано нам, тем, кто каждый миг вкушал «свободу, великолепную пищу и более чем мягкое обхождение администрации».

---

¹ Сначала издавалась в Берлине, сейчас — в Париже. Редактируется Керенским

Если Ногтев, Эйхманс и их приближенные прислушивались к словам политических, то внимательное отношение низшего персонала считалось в порядке вещей.

Диалоги политических с командирами трудовых полков и отрядов, квартирмейстерами, надзирателями за кухнями и мастерскими звучали скорее как приказы. Их староста Богданов во время беседы с любым из низших чинов в комендантской всегда начинал свою фразу словами: «Мы желаем...» вместо «Мы просим...». Перед распределением пайков Богданов имел обыкновение наведываться к квартирмейстеру и отбирать для своей группы лучшее мясо, белый хлеб и т. д. Его преемник на посту старосты — социал-демократ Мамулов, юрист из Владикавказа, пользовался такими же правами. Политические, располагая в достатке личным временем, могут обучать своих детей и воспитывать их в соответствии с собственными политическими убеждениями. Часто можно видеть десятилетнего мальчика, сына социалиста, проходящего через бараки и приветствующего чекистов и охранников бранью. А когда заключенные смея ради спрашивают его, к какой партии он принадлежит, он с гордостью отвечает: «Я — социалист, долгой коммунистов — узурпаторов!»

ГЛАВА 9

УЧАСТЬ ЖЕНЩИН

Ужасная компания — Как выплачиваются карточные долги —

Чекистский гарем — «Рублевые» женщины — Венерические болезни..

Самое большое благо, выпавшее политическим, это то, что их женам и детям не приходится соприкасаться с уголовниками. Компания этих женщин ужасна.

В настоящее время в Соловецких лагерях содержится около 600 женщин. В монастыре они расселены в «женском здании» — в Кремле. На Поповом острове им полностью отведен барак № 1 и часть других. Три четверти из них составляют жены, любовницы, родственницы и просто соучастницы уголовных преступников.

Официально женщин высылают на Соловки и в Нарымский край за «постоянную проституцию». Через определенные промежутки времени в крупных городах европейской России против проституток предпринимаются рейды с тем, чтобы отправлять их в концлагеря. Проститутки, которые при советском режиме объединились в своего рода официальные профсоюзы, время от времени устраивают в Москве и Петрограде уличные шествия с целью протеста против рейдов и высылки, но это приносит мало пользы. Характер и образ жизни этих женщин до такой степени дикий, что их описание любому, не знакомому с условиями соловецкой тюрьмы, может показаться бредом сумасшедшего. К примеру, когда уголовницы направляются в баню, они заранее раздеваются в своих бараках и совершенно нагие прогуливаются по лагерю под раскаты смеха и одобрительные возгласы соловецкого персонала.

Уголовницы так же, как и мужчины, приобщаются к азартным карточным играм. Но в случае проигрыша они вряд ли могут расплатиться деньгами, приличной одеждой или продуктами. Ничего этого у них нет. В итоге каждый день можно оказаться свидетелем диких сцен. Женщины играют в карты с тем условием, что проигравшая обязана немедленно отправиться в мужской барак и отдаться подряд десяти мужчинам. Все это должно происходить в присутствии официальных свидетелей. Лагерная администрация никогда не вмешивается в это безобразие.

Можно представить себе то ощущение, которое уголовницы вызывают у образованных женщин из контрреволюционной категории. Самые отвратительные ругательства, вместе с которыми упоминаются имена Бога, Христа, Божьей Матери и всех святых, поголовное пьянство, неопишуемые дебоши, воровство, антисанитария, сифилис — этого оказывается слишком много даже для человека с сильным характером.

Послать честную женщину на Соловки — значит в несколько месяцев превратить ее в нечто похуже проститутки, в комок безгласной грязной плоти, в предмет меновой торговли в руках лагерного персонала.

Каждый чекист на Соловках имеет одновременно от трех до пяти наложниц. Торопов, которого в 1924 году назначили помощником Кемского коменданта по хозяйственной части, учредил в лагере официальный гарем, постоянно пополняемый по его вкусу и распоряжению. Красноармейцы, охраняющие лагерь, безнаказанно насиловали женщин.

По лагерным правилам из контрреволюционеров и уголовниц ежедневно отбирают по 25 женщин для обслуживания красноармейцев 95-й дивизии, охраняющей Соловки. Солдаты настолько ленивы, что арестанткам приходится даже застилать их постели.

Старосте Кемского лагеря Чистякову женщины не только готовят обед и чистят ботинки, но даже моют его. Для этого обычно отбираются наиболее молодые и привлекательные женщины. И чекисты обходятся с ними так, как им захочется. Все женщины на Соловках поделены на три категории. Первая — «рублевая», вторая — «полурублевая», третья — «пятнадцатикопеечная» (пяти-алтынная). Если кто-либо из лагерной администрации просит «первоклассную» женщину, т. е. молодую контрреволюционерку из вновь прибывших в лагерь, он говорит охраннику: «Приведи мне «рублевую». Честная женщина, отказавшаяся от «улучшенного» пайка, который чекисты назначают своим наложницам, очень скоро умирает от недоедания и туберкулеза. На Соловецком острове особенно часты такие случаи. Хлеба на всю зиму не хватает. Пока не начинается навигация и не будут привезены новые запасы продовольствия, и без того скудные пайки урезаются почти в половину.

Чекисты и шпана заражают женщин сифилисом и другими венерическими заболеваниями. Как широко распространены на Соловках эти болезни, можно судить по следующему факту. До недавнего времени больные сифилисом располагались на Поповом острове в специальном бараке (№ 8). В связи с последующим ростом заболеваемости барак № 8 не мог уже

вмещать всех пациентов. Еще до моего побега администрация «разрешила» данную проблему, разместив их в других бараках со здоровыми людьми. Естественно, это приведет к быстрому увеличению числа зараженных. Когда домогательства наталкиваются на сопротивление, чекисты не гнушаются мстить своим жертвам.

В конце 1924 г. на Соловки была прислана очень привлекательная девушка — полька лет семнадцати. Ее вместе с родителями приговорили к расстрелу за «шпионаж в пользу Польши». Родителей расстреляли. А девушке, поскольку она не достигла совершеннолетия, высшую меру наказания заменили ссылкой на Соловки на десять лет.

Девушка имела несчастье привлечь внимание Торопова. Но у нее хватило мужества отказаться от его отвратительного домогательства. В отместку Торопов приказал привести ее в комендатуру и, выдвинув ложную версию в «укрывательстве контрреволюционных документов», раздел донага и в присутствии всей лагерной охраны тщательно ощупал тело в тех местах, где, как ему казалось, лучше всего можно было упрятать документы.

В один из февральских дней в женском бараке появился очень пьяный чекист Попов в сопровождении еще нескольких чекистов (тоже пьяных). Он бесцеремонно влез в постель к мадам Икс, даме принадлежавшей к наивысшим кругам общества, сосланной на Соловки сроком на десять лет после расстрела мужа). Попов выволок ее из постели со словами: «Не хотите ли прогуляться с нами за проволоку?» — для женщин это означало быть изнасилованными. Мадам Икс, находилась в бреду до следующего утра. Необразованных и полуобразованных женщин из контрреволюционной среды чекисты нещадно эксплуатировали. Особенно плачевна участь казачек, чьи мужья, отцы и братья расстреляны, а сами они сосланы.

ГЛАВА 10

ИНОСТРАННЫЕ УЗНИКИ

Шпионаж в пользу Мексики — Загадочное сообщение — Тактика ГПУ — Попытки совершить побег жестоко пресечены.

Большинство иностранцев было сослано на Соловки по обвинению в «шпионаже в пользу международной буржуазии» (статья 66). Наряду с данной статьей чекисты изредка прибегали к помощи другой, но в той же степени безосновательной. «Юриспруденция» ГПУ удивительно искусна в обнаружении преступления там, где нет даже и намека на него.

Среди соловецких узников находится граф Вилла — генеральный консул Мексики в Египте и его жена. Если вдуматься, то человеку, живущему в Каире, довольно трудно «осуществлять шпионаж в пользу Мексики в Советской России», особенно если учесть то, что консул не только не говорит, но даже и не понимает по-русски.

Обстоятельства его ареста таковы. Жена графа Виллы — грузинка, урожденная княжна Каралова. В 1924 году с разрешения Советского правительства с завизированными паспортами консул с женой отправились

на Кавказ, чтобы навестить мать. К несчастью, именно тогда было подавлено грузинское восстание. Большевики расстреляли брата княжны — князя Каралова, а дипломата с женой сослали на Соловки на три года за «шпионаж в пользу Мексики». В феврале 1925 года они прибыли в лагерь.

Генеральный консул проживает на Соловках по дипломатическому паспорту, гарантирующему личную неприкосновенность. По прибытии в лагерь он пытался послать в Мексику исчерпывающее описание вопиющих нарушений международных законов Советской властью в отношении к нему. Но соловецкая цензура уничтожила письмо. В конце концов граф прибег к помощи эзопова языка и направил своему правительству телеграмму следующего содержания: «Я совершаю чрезвычайно интересный круиз по Северной России». Очевидно, факт высылки мексиканского дипломата на Соловки, стал известен за рубежом, т. к. незадолго до моего побега из Лондона аэропланом ему были присланы вещи (кстати, в момент ареста чекисты дочиста ограбили графа). Он ведет оживленную переписку с Чичериным по-французски, требуя своего освобождения. Но Мексика слишком далека, она не располагает ни торговым флотом, ни деньгами, чтобы дать их взаймы Советам, а посему — комиссариат иностранных дел вежливо обходит молчанием вопрос об освобождении графа Виллы. Единственным проком, полученным от переписки с Чичериным, было освобождение консула от работ. В то же время графиня Вилла на общих основаниях, как все контрреволюционерки, продолжала мыть полы в бараках и стирать чекистам рубашки.

На Соловках можно встретить представителей любой нации, как большой, так и малой: англичан, итальянцев, японцев, французов и немцев, а также уроженцев крохотных государств. Причины их арестов, как правило, до постыдного безосновательны. Складывается впечатление, что ГПУ умышленно отбивает охоту у иностранцев посещать Россию, поближе познакомиться со страной, положить начало коммерческим или каким-либо иным связям с ней.

Я уже упоминал здесь о деле венгерского фабриканта Френкеля, которого Внешторг пригласил в Россию, а в результате он был сослан на Соловки. Подобного рода случаев великое множество. К примеру, эстонец. Мотис приехал в Москву, чтобы осмотреть Всероссийскую выставку и прямо с выставки угодил на Соловки.

Во время правительственного кризиса в Литве, когда межпартийная борьба достигла кульминации ожесточенности, член одной из проигравших партий бежал из страны в Советскую Россию. Он был офицером инженерных войск литовской армии, ровным счетом ничего не знавший о Советской России и коммунистах. Он считал, что как политический эмигрант найдет убежище в соседней стране. Но получилось иначе — как только беглец пересек границу, его тут же арестовали, обвинив, несмотря на энергичный протест, в «организации контрреволюционного заговора и шпионажа в интересах Литвы» и выслали на Соловки.

В монастыре и на Поповом острове содержится большое количество лиц, официально прикрепленных к дипломатическим миссиям иностранных государств. Преимущественно это поляки, финны, эстонцы и литовцы — сотрудники дипломатических представительств, консульств и миссий соответствующих стран, арестованные по обвинению в «шпионаже», реже — в «спекуляциях».

Все иностранцы пребывают в постоянной надежде, что собственные правительства обменяют их на коммунистов. Администрация обходится с ними жестоким образом. Они получают такой же паек, что и коммунисты, а выполняемая ими работа большей частью чрезвычайно тяжела. За последнее время предпринималось несколько попыток побега. Они совершались (всегда неудачно) главным образом эстонцами, финнами и поляками. Поэтому Ногтев распорядился, чтобы заключенные этих национальностей не привлекались к работам вне лагерей. Попытки побега карались вначале жестоким избиением, а затем расстрелом (хотя согласно правилам максимальным наказанием является продление срока заключения на один год).

В марте 1925 года некий финн попытался бежать из Соловецкого монастыря. Он направился, сопровождаемый часовым в уборную, перемахнул через стену и оказался на берегу моря. В этих широтах весна преимущественно наступает поздно, и слой льда на море поблизости от Кремля довольно прочен, чтобы выдержать человеческое тело. Финн со всех ног побежал в сторону леса по узкой ледяной кромке вдоль берега. Побег был обнаружен, подняли тревогу, и вслед беглецу раздались выстрелы. Прежде чем финн достиг леса, где он мог укрыться и переждать, лед под ним неожиданно затрещал, и беглец застыл в нерешительности. Чекисты схватили его. Финна вернули в лагерь. Его истязали около часа с такой жестокостью, что даже не выдержали толстые «смоленские палки» — поломались. Все равно после такой экзекуции всего окровавленного его расстреляли.

ГЛАВА 11

«СМЕНА КАБИНЕТА»

Новые руководители Кемлагеря — Военный парад — Чекист-многоженец — Злоупотребления продолжаются.

Весной 1924 года персонал на Поповом острове был заменен. Члены УСЛОНа (управление Соловецкого лагеря особого назначения) и руководство в монастыре осталось на своих местах. Это как раз и было то, что заключенные прозвали «сменой кабинета».

Вместо Гладкова начальником Кемлагеря был назначен Иван Иванович Кириловский, бывший сержант одного из гвардейских полков. Как уже говорилось выше, он отказался принять руководство лагерем, пока центральным правительством не будет назначена специальная комиссия по проверке лагерной документации. Когда комиссия обнаружила расточительство и мошенничество в невообразимых размерах, Гладкова приговорили к пятилетней ссылке за «мошенничество и халатное отношение

к возложенным обязанностям». Мамонов, непосредственно виновный в преступлении, не понес никакого наказания. И, вероятно, поэтому сам Гладков через два дня после приговора был прощен и получил назначение в ГПУ города Калуги.

До прибытия Кириловского по лагерю пронеслась весть, что он вполне приличный человек. Скоро представилась возможность воочию убедиться в его «порядочности». Кириловский до сих пор находится во главе лагеря, имея тех же помощников. Его приезд оказался подходящим поводом для проведения тщательно отрепетированной церемонии. Эйхманс (уже знакомый читателю), чьей мечтой было превратить лагерь в военные поселения аракчеевской эпохи¹, несколько дней подряд выстраивал голодных арестантов, включая женщин и детей, и заставлял их разучивать различные движения, подчиняться словам команды — все в военном духе. Когда Кириловский приблизился к лагерю, нас выстроили в два ряда. «Внимание! Равнение направо!» Староста подошел к Кириловскому с рапортом: «Во вверенном мне трудовом полку все в порядке». То же самое проделали командиры трудовых рот. Затем Кириловский поприветствовал нас: «Добрый день!» Этот пошлый фарс продолжался около часа. Под конец Кириловский спросил, имеет ли кто-нибудь просьбы или жалобы на администрацию. Конечно же, вопрос остался без ответа. Если бы кто-то и дерзнул пожаловаться, то его в тот же день забили бы до смерти «смоленскими палками», бросив на Секирку.

Помощником Кириловского по административной части был, как я уже упоминал, Торопов, отпетый негодяй с вытаращенными бараньими глазами. Первоначально он командовал взводом 95-й дивизии войск ГПУ, охраняющей Попов остров. Помимо безнадежной глупости, его отличительной чертой является то, что, куда бы он ни попал, всюду женится. На Поповом острове Торопов не удовлетворился гаремом из арестанток и в шестой раз женился на «трескоедке» (трескоеды — прозвище жителей рыбацких поселков в окрестностях лагеря, чьей основной пищей является треска). Помощником Кириловского по хозяйственной части был Николай Николаевич Попов. Он на удивление хорошо одевался и, как ни странно, не являлся ни чекистом, ни даже коммунистом. Это был очень загадочный субъект. Иногда Попов говорил, что некогда служил гвардейским офицером, иногда — в министерстве при царе, иногда адъютантом Троцкого. Но в любом случае, он производил впечатление хорошо образованного человека и с виду походил на поляка. Попов заикался и к контрреволюционерам относился со злобой и ожесточением. Когда заключенные проходили мимо него, следуя на работу, он имел привычку обращаться к окружающим его чекистам нарочито громким голосом, чтобы слышали контрреволюционеры: «Это шайка уголовников. Вы слышите — уголовников. Они — враги. Мы приструним всю эту свору!»

---

¹ Граф Аракчеев (1769—1834)—выдающийся военный русский деятель. План военных поселений, который он безуспешно пытался осуществить, был частью большого количества проектов императора Александра I.

«Смена кабинета» мало изменила положение заключенных. Единственной переменной было то, что их «приструнили», а разворовывание администрацией казенных денег и без того скромных арестантских пайков стало еще более упорным, чем раньше. Гладков крал открыто, Кириловский же — под прикрытием «честности».

Общая картина соловецкой жизни и порядков — мрачный звон колокола, призывающий на работу, репрессии, античеловеческий характер деятельности персонала — осталась прежней.

ГЛАВА 12

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ, РАБОТА И ПИЩА

«Место под лампой» — Работа «снаружи» и «внутри» — Освобождение по болезни — Ужасы лесоповала — Как нас кормили — Заключенных морят голодом, а государство обслуживают.

Баракы Попова острова составляют около 40 ярдов в длину и 10 ярдов в ширину. В каждом из них расквартировано, как правило, от 200 до 300 человек. В бараках № 5 и № 6, которые в основном заняты шпаной, более 700 обитателей. В стенах барачных зияют щели, а на потолках — отверстия. Это способствует возникновению сквозняков, и помещения, продуваемые со всех сторон, настолько выстужены, что людей трясет как в лихорадке от холода по вечерам, когда заключенные возвращаются с работы. Особенно страшен приход ночи — задыхаешься от ужасного смрада, царящего в бараках. По ночам невозможно спать из-за духоты и человеческих испарений.

Нары расположены вдоль стен в два яруса. Каждый стремится занять верхнюю койку, иначе, если оказаться внизу, то на голову обрушивается нескончаемый ливень из вшей, объедков, плевков. За верхний ярус разгораются буквально кровопролитные бои.

Электростанцию построили только в конце 1924 г. А до этого вместо лампы в центре каждого барака мерцала жестянка с фитилем, слегка смоченным парафином. Ее света хватало едва на ближайшие три-четыре койки. Все остальное пространство было погружено во тьму. Сейчас в каждом бараке по маленькой электрической лампочке (16 Вт), но их недостаточно для нормального освещения такого большого помещения. Под единственной крошечной лампочкой всегда собирается огромная масса заключенных, пытающихся что-то читать или писать письма родственникам. Отсутствие света особенно тяжело переносится зимой. Старосты барачных пользуются этим затруднением для взимания взяток как деньгами, так и натуральными продуктами за «место под лампой».

НЭП — новая экономическая политика, оказала влияние даже на Соловки. Лагеря были переведены на принцип «самообеспечения» и сумма, ежегодно выделяемая на содержание Соловков, значительно уменьшилась. Так, в нынешнем (1925) году лагеря получили только 250 тысяч золотых рублей, вместо двух миллионов, затребованных Бокием и Ногтевым.

Нет надобности кормить заключенных и даже держать их на полуголодной диете. Администрация должна обязательно прикарманить крупные суммы

денег. Поэтому начУСЛОНа и его приспешники вытягивают из заключенных последние силы, превращая их всех в бессловесных рабов.

Работа на Соловках подразделяется на две категории: «наружную» (за проволочным забором) и «внутреннюю» (внутри лагеря). Для внешних работ заключенных по большей части забирали с Соловецкого и Попова островов на материк. Вот что подпадало под категорию внешних работ: доставка леса, осушение болот, расчистка и содержание в порядке железнодорожных путей и дорог (грунтовых и деревянных), заготовка строевого леса для лагерных нужд и на вывоз, погрузка лесоматериалов, камней, продовольствия и т. д. Суда для перевозки грузов: пароходы «Глеб Бокий» и «Нева», а также баржа «Клара», получившая свое название в честь немецкой коммунистки Клары Цеткин.

Под внутренними работами подразумеваются: расчистка снега, помощь на кухне и в мастерских, вынос нечистот из отхожих мест и бараков, заселенных обычными уголовниками, и прислуживание чекистам и красноармейцам. Женщины моют полы в конторах и бараках, готовят пищу, обстирывают чекистов и красноармейцев, чинят им одежду и т. д.

Работа и зимой, и летом начинается в 6 часов утра. По инструкции она прекращается в 7 часов вечера. Таким образом, на Соловках 12-часовой рабочий день с перерывом на обед в час пополудни. Это — официально. Но на самом деле работа продолжается гораздо дольше — по усмотрению надзирающего чекиста. Особенно часто такое происходит летом, когда заключенных заставляют работать буквально до потери сознания. В это время года трудовой день длится от шести часов утра до полуночи или часу ночи.

На Соловках нет ни воскресений, ни других дней отдыха. Каждый день считается рабочим. По великим праздникам (Пасха, Рождество и т. д.) время работы обычно увеличивается для того, чтобы оскорбить чувства верующих заключенных. Только один день в году считается праздником — Первое мая. Болезнь, физическая слабость, преклонный возраст или малолетство ни в коей мере не брались во внимание. Отказ от работы по болезни, даже если она очевидна для самих чекистов, влечет за собой в качестве первоначального наказания перевод на Секирку (место пыток), а затем расстрел, хотя согласно закону, карой за отказ от работы даже без уважительной причины может быть только продление срока заключения на один год.

Самое изнурительное — перевозка леса в зимнее время. Этот труд совершенно невыносим. Приходится стоять по колено в снегу так, что трудно двигаться. Огромные стволы, обрубленные топорами, падают на арестантов, иногда убивая их на месте. Облаченные в лохмотья, без рукавиц, только в одних лаптях, заключенные с трудом удерживаются на ногах от слабости, по причине недоедания. Их руки и все тело промерзают насквозь от мучительного холода.

Минимальное дневное задание таково: четыре человека должны нарубить, расколоть и сложить кубических сажен четыре (сажень — около двух ярдов) леса, и пока они этого не выполняют, им не дозволено вернуться в лагерь.

Крайние затруднения, связанные с внешними работами, состоят в том, что если заключенные не выполняют дневного задания точно ко времени возвращения в лагерь, то шпана штурмом завладевает кухней, и контрреволюционеры остаются без обеда.

Однажды меня и группу других контрреволюционеров послали на берег реки Кемь рубить лес, который был очень нужен. Поэтому нас выгнали на работу в пять часов утра. Как правило, смена часовых происходит в полдень. Но на этот раз по какой-то причине подмена нашему караулу не была вовремя послана в лес. Красноармейцы, не очень-то отличающиеся дисциплинированностью, отвели нас обратно в лагерь, чтобы там смениться. Торопов их отругал и вызвал новый конвой. И так мы проследовали в тот же лес под охраной на работу без перерыва на обед. А обратно в лагерь вернулись только в четыре часа утра. Иными словами, мы проработали на страшном холоде 19 часов без отдыха и еды, исключая два внеплановых перехода в лагерь и обратно.

На Соловках все, что только можно было расхитить, расхитили давным-давно. И все, что можно продать, уже продали. Чтобы изыскать новые ресурсы, власти заключают разные крупные трудовые соглашения на территории автономной республики Карелии. Например, на строительство дороги от Кеми до Ухты. Но видя, что самой Карелии грозит безработица, ВЦИК республики пожаловался в Москву на СЛОН, т. к. последний лишает карелов куска хлеба. Соглашения были аннулированы. Но соловецкая администрация, тем не менее, извлекла из них пользу. Случилось следующее. Ногтев передал на рассмотрение в Москву совершенно невыполнимые проекты трудовых обязательств на территории Карелии и запросил денежных ассигнований и спирта (он якобы предназначался для рабочих, надрывающихся на болотах). Как только деньги и спирт были доставлены, их сразу же поделили между собой чекисты. Причем большую долю получили ближайшие друзья Ногтева.

Так как строительные и коммерческие проекты не приносили ощутимого дохода, соловецкие власти единственную возможность экономить видели в урезывании пайков, что они и осуществили на деле.

Каждый заключенный, несмотря на выполняемую им тяжелую работу, с этого времени стал получать один фунт черного хлеба, который выдавался на десять дней вперед, и к концу срока твердел, как камень. Он был всегда плохо выпечен, из несвежей муки, придававшей ему горький привкус. Дважды в день заключенных кормят горячей пищей. Обед состоит из тарелки супа, сваренного из заплесневелой трески. В эту зловонную жидкость не добавлено ни кусочка масла. На ужин подается миска каши из проса или гречки, опять же без масла. Довольно часто контрреволюционеры вовсе остаются без ужина, т. к. шпана, проигравшись в карты, успевает до крошки разграбить кухню.

Согласно лагерной документации, каждому заключенному ежедневно причитается три золотника сахара (золотник составляет 1/96 от русского фунта). На самом деле каждый арестант получает на декаду полстакана

полузамерзшего жидкого сахара, где содержится 10—12 золотников (вместо 30 золотников). Чекисты разбавляют сахар водой и таким образом из каждой пайки крадут по 12—20 золотников, что для лагеря с несколькими тысячами заключенных в итоге составляет прибыль в 2—3 десятка пудов.

В документах также значится: заключенные получают 1/8 фунта масла и столько же табаку. На самом деле в лагере не выдается ни то, ни другое. Бочонки с маслом и сотни тонн табаку сбрасываются начальством в Кемь, а деньги прикарманиваются.

И, наконец, по инструкции каждому заключенному, находящемуся на тяжелых физических работах, предписано вознаграждение в 35 копеек на карманные расходы. Деньги для данной цели присылались московским правительством дополнительно к обычному бюджету. Ни один арестант не получил этих 35 копеек. Каждый грош из «премии» идет в карманы чекистов. Возможно даже, что питание на Соловках до «смены кабинета» было лучше, чем сейчас. Тогда заключенные хотя бы получали консервы, большая часть которых (их хватало на два года) была оставлена англичанами. Нынешний паек как будто рассчитан на уничтожение арестантов при помощи медленной голодной смерти. По моим подсчетам сообразно с потребностями человека, занятого тяжелым физическим трудом, такого десятидневного пайка хватает на 2—3 суток.

Как я уже говорил выше, политические получают «улучшенный» паек, которого едва хватает.

Красноармейцам выделяется «северный» паек. Он включает большое количество масла, жиров, белого хлеба и даже спирта.

Однажды меня и группу других контрреволюционеров послали на берег реки Кемь рубить лес, который был очень нужен. Поэтому нас выгнали на работу в пять часов утра. Как правило, смена часовых происходит в полдень. Но на этот раз по какой-то причине подмена нашему караулу не была вовремя послана в лес. Красноармейцы, не очень-то отличающиеся дисциплинированностью, отвели нас обратно в лагерь, чтобы там смениться. Торопов их отругал и вызвал новый конвой. И так мы проследовали в тот же лес под охраной на работу без перерыва на обед. А обратно в лагерь вернулись только в четыре часа утра. Иными словами, мы проработали на страшном холоде 19 часов без отдыха и еды, исключая два внеплановых перехода в лагерь и обратно.

На Соловках все, что только можно было расхитить, расхитили давным-давно. И все, что можно продать, уже продали. Чтобы изыскать новые ресурсы, власти заключают разные крупные трудовые соглашения на территории автономной республики Карелии. Например, на строительство дороги от Кемь до Ухты. Но видя, что самой Карелии грозит безработица, ВЦИК республики пожаловался в Москву на СЛОН, т. е. последний лишает карелов куска хлеба. Соглашения были аннулированы. Но соловецкая администрация, тем не менее, извлекла из них пользу. Случилось следующее. Ногтев передал на рассмотрение в Москву совершенно невыполнимые проекты трудовых обязательств на территории Карелии и запросил денежных

ассигнований и спирта (он якобы предназначался для рабочих, надрывающихся на болотах). Как только деньги и спирт были доставлены, их сразу же поделили между собой чекисты. Причем большую долю получили ближайшие друзья Ногтева.

Так как строительные и коммерческие проекты не приносили ощутимого дохода, соловецкие власти единственную возможность экономить видели в урезывании пайков, что они и осуществили на деле.

Каждый заключенный, несмотря на выполняемую им тяжелую работу, с этого времени стал получать один фунт черного хлеба, который выдавался на десять дней вперед, и к концу срока твердел, как камень. Он был всегда плохо выпечен, из несвежей муки, придававшей ему горький привкус. Дважды в день заключенных кормят горячей пищей. Обед состоит из тарелки супа, сваренного из заплесневелой трески. В эту зловонную жидкость не добавлено ни кусочка масла. На ужин подается миска каши из проса или гречки, опять же без масла. Довольно часто контрреволюционеры вовсе остаются без ужина, т. к. шпана, проигравшись в карты, успевает до крошки разграбить кухню.

Согласно лагерной документации, каждому заключенному ежедневно причитается три золотника сахара (золотник составляет $\frac{1}{96}$ от русского фунта). На самом деле каждый арестант получает на декаду полстакана полузамерзшего жидкого сахара, где содержится 10—12 золотников (вместо 30 золотников). Чекисты разбавляют сахар водой и таким образом из каждой пайки крадут по 12—20 золотников, что для лагеря с несколькими тысячами заключенных в итоге составляет прибыль в 2—3 десятка пудов.

В документах также значится: заключенные получают $\frac{1}{8}$ фунта масла и столько же табаку. На самом деле в лагере не выдается ни то, ни другое. Бочонки с маслом и сотни тонн табаку сбрасываются начальством в Кемь, а деньги прикарманиваются.

И, наконец, по инструкции каждому заключенному, находящемуся на тяжелых физических работах, предписано вознаграждение в 35 копеек на карманные расходы. Деньги для данной цели присылались московским правительством дополнительно к обычному бюджету. Ни один арестант не получил этих 35 копеек. Каждый грош из «премии» идет в карманы чекистов. Возможно даже, что питание на Соловках до «смены кабинета» было лучше, чем сейчас. Тогда заключенные хотя бы получали консервы, большая часть которых (их хватало на два года) была оставлена англичанами. Нынешний паек как будто рассчитан на уничтожение арестантов при помощи медленной голодной смерти. По моим подсчетам сообразно с потребностями человека, занятого тяжелым физическим трудом, такого десятидневного пайка хватает на 2—3 суток.

Как я уже говорил выше, политические получают «улучшенный» паек, которого едва хватает.

Красноармейцам выделяется «северный» паек. Он включает большое количество масла, жиров, белого хлеба и даже спирта.

ГЛАВА 13

БОЛЬНИЧНЫЕ УЖАСЫ

Больница без лекарств — «Заключенные не должны болеть» — В руководстве сумасшедшая — Смертность арестантов поощряется — Добрый чекист.

«Медпомощь» на Соловках является фактически медицинской беспомощностью. Частично из-за нехватки средств, частично из-за безучастности лагерной администрации, а также вследствие секретных предписаний Московского ГПУ. Единственно эффективным лекарством является смерть.

Санитарные условия лагерей ужасны. Дико загажены бараки, кухни, отхожие места и прочее, но и сами соловецкие «больницы» справедливо могут быть названы рассадниками эпидемий. Влажность, болотистая местность, отвратительная вода, миллионы комаров и вшей — все это очень способствует возникновению и распространению заболеваний. У заключенных нет сменного белья, мыла, надлежащей одежды и обуви. Их организмы, ослабленные постоянным недоеданием и тяжелой работой, не могут сопротивляться недугам.

«Больница» расположена в Кремле Соловецкого монастыря. Слово это должно быть взято в кавычки, т. к. больница не отвечает своему назначению. В ней нет никаких лекарств, постели ужасно грязны, пациентам выдается обычный голодный паек, а само помещение почти все время стоит неотопленным.

Врач, ответственный за больницу — сам из заключенных — неоднократно пытался убедить начУСЛОНа в том, что отсутствие лекарств, постельного белья (больные лежат на голых досках), мыла, съедобной пищи и уборной в самом больничном помещении — пациенты вынуждены выходить на улицу при любой температуре, даже зимой, — равносильно умышленному убийству арестантов. Но соловецкая администрация всегда отказывала в такого рода просьбах. На Соловки прибывают новые тысячи заключенных, и нужно очищать бараки от «лишних элементов». Однажды Ногтев и вправду заявил: «Болеть — вовсе не дело заключенных».

Другим, совершенно точным образчиком соловецкой медицинской помощи, является «больница» на Поповом острове. Ее возглавляет женщина — Львова Мария Николаевна. Это опытный врач. До своей ссылки она служила в Красном Кресте и побывала буквально на всех фронтах империалистической и Гражданской войн. Впоследствии Львова стала «сексоткой» (секретным агентом ГПУ), но было установлено, что Мария Николаевна «неосторожно высказалась о секретных делах ГПУ», и ее выслали на Соловки на пять лет. Эта женщина, возможно, и неплохая по натуре, была совершенно изуродована работой на ГПУ и соловецкой жизнью. Она утратила всякий самоконтроль. Никто на Соловках, даже из развращенных уголовников не ругался с таким мастерством, как больничная начальница, адресующая людям и даже самому Богу наигрязнейшую брань. Часто уголовники ходят в больницу, чтобы просто послушать ругань

Львовой и ввести в собственный обиход некоторые из ее самых последних непристойных «перлов». Никто на Соловках, ни из мужчин, ни из женщин, не пьет так много и не доводит себя до такого скотского состояния, как Мария Николаевна. Она опустилась до самого низкого уровня нравственной деградации. Ее забота о больных была именно такой, какой и следовало ожидать от подобного существа. Для Львовой человеческая жизнь утратила всякую ценность. Уже сами по себе соловецкие больницы являются твердой гарантией того, что оказавшиеся в них пациенты будут умирать массаами. Львова же своей грубостью, полным равнодушием к страданиям, свойственным полусумасшедшим людям, ускоряет смерть больных. Когда пациенты жалуются на ужасные условия в ее больнице, она всегда отвечает: «Чем хуже, тем лучше. Большинство из вас еще попляшет». И далее следуют совершенно непечатные выражения.

Но у меня не поднимается рука бросить камень в эту женщину.

Сумасшедшие условия жизни сделали ее сумасшедшей. Но неужели у Ногтева и прочих соловецких «начальников» нет ушей и глаз? Почему они поручили руководство медслужбой Попова острова психически неполноценной женщине?!

В начале главы я уже ответил на данный вопрос Центральное руководство ГПУ, а вслед за ним соловецкие чекисты умышленно повышают смертность в лагерях. Еще одним подтверждением является факт, что заключенный может быть послан на осмотр к кемскому врачу только за собственный счет. Доктор из города посещает регулярно только соловецких чекистов, но не арестантов.

Контрреволюционеры и политические боятся больницы, как чумы. Если заключенные из двух категорий заболевают и не могут лечиться домашними средствами, они умирают в бараках, умоляя не переносить их в больницу. И только шпана, которая, как Львова, не ценит ни собственную, ни чужую жизнь, добровольно идет туда. В результате уголовники мрут десятками и в основном от цинги.

Вода на Соловецких островах обладает свойствами разрушать зубы с последующим появлением боли, которая усугубляется холодом и сквозняками, свирепствующими в бараках. В лагерях обязательно необходимы зубные врачи, но их нет. Правда, в Кремле Соловецкого монастыря имеется дантист — уже известный читателю участник американской благотворительной акции в поддержку голодающих — Малеванов, наказанный большевиками в благодарность за служение людям. Но у него нет ни лекарств, ни инструментов.

На Поповом острове этот вопрос разрешен радикальным образом. В лагере есть челозек по фамилии Брусиловский. До революции он был фельдшером, а после стал чекистом в Елизаветградском ГПУ (ныне относится к Одесской губернии, а первоначально — к Херсонской). Его прислали на Соловки по 76-й статье УК (вооруженный бандитизм). Несмотря на свою службу в ЧК, Брусиловский — очень приятный, симпатичный человек. Он решил сделать

все возможное для страдающих от зубной боли и каким-то образом приспособил для удаления зубов обычные кузнечные клещи. Безусловно, нельзя излечить зубы, если они портятся и нет никаких лекарств и инструментов. Единственный способ — выдернуть больной зуб, и пациенты всегда на это соглашались. За свои услуги Брусиловский никогда не берет денег. Он имеет огромную практику, особенно среди шпаны, у которой выдергивает зубы сразу целыми рядами. В первое время Брусиловский удалял даже здоровые зубы, вероятно, набивая руку. Этот сострадательный чекист лечит еще и сифилис. Его метод борьбы с отвратительным недугом — тоже «последнее слово» соловецкой науки. Смесь из травяного настоя, спирта и еще чего-то впрыскивается во внутрь обычным шприцем. Но в этой области ему, очевидно, нужно набраться побольше опыта, поскольку количество заболевших сифилисом в лагерях неуклонно растет, да и случаи со смертельным исходом все чаще и чаще.

ГЛАВА 14

КАК ДЕЛАЮТСЯ «ПОЛЕЗНЫЕ» ГРАЖДАНЕ

Основные наказания — Выстуженная темница — «На комаров!» — Средневековая пытка — Массовые расстрелы не нужны.

Руководители Коммунистической партии заявляют: «Соловецкие лагеря особого назначения по всей сути являются исправительными заведениями». Им хочется убедить мир в том, что наказание в данных учреждениях имеет своей целью сделать заключенных лучше и помочь им стать полезными гражданами Советской республики. В действительности же наказания, как и медицинское обслуживание, основываются на том расчете, чтобы наибольшее число заключенных как можно скорее спровадить на тот свет. Отказ от работы, неповиновение властям, «контрреволюционная» пропаганда, оскорбительные слова или поступки в адрес персонала, «раскрытое» преступное прошлое (занятие Васко), попытка побега — для всех этих нарушений предусмотрены различные наказания в соответствии с совершенным проступком. Но я хочу упомянуть некоторые из основных кар:

1. «Секирка».
2. «На камаров!»
3. Продление срока заключения.
4. «Каменные мешки».
5. Расстрел.

Такие меры исправления наряду с ударами по лицу, изъятием посылок от родственников на неопределенное время в пользу изымающего, поркой кнутом или «смоленскими палками» (без «каменного мешка») и прочее настолько распространены на Соловках, что нет нужды останавливаться на них подробно.

«Секирка» — это тюрьма на знаменитой Секирной горе на Соловецком острове в двух милях от Кремля. В минувшие времена тут была пещера одного из самых благочестивых, овеванных легендой здешних святых обитателей. «Провинившегося» заключенного забрасывают на Секирку сроком

от 2 до 6 месяцев. Режим там таков: арестант ежедневно получает полфунта хлеба, кувшин холодной воды и ничего больше. Все двери и окна в пещере завинчиваются, и заключенный полностью отрезан от внешнего мира. Темница совершенно не отапливается. Как правило, когда срок наказания подходит к концу, арестант превращается в насквозь промерзший труп. В редких случаях с «Секирки» возвращается полумертвый скелет. «На комаров!» — очень популярная среди соловецких чекистов разновидность наказания. Оно производится следующим образом: заключенного раздевают донага и заставляют встать на специальный камень позади комендантской. Несчастному приказывают под угрозой «каменного мешка» и расстрела стоять совершенно без движения, не шевелить даже пальцами и не отгонять комаров, которые покрывают тело страдальца толстым слоем. пытка длится несколько часов. Когда наказание заканчивается, тело жертвы превращается в огромную язву от ядовитых укусов насекомых. Заключенные послабее погибают, а те, кто посильнее, еще много недель после наказания не в состоянии ни сесть, ни лечь.

Продление срока заключения сейчас применяется в качестве кары сравнительно редко по той простой причине, что недавно спущенные из ГПУ приказы осуждают арестантов на неопределенный срок. Когда он отбыл два, три, десять лет, его пересылают из Соловков в Печерский район. Затем в Нарым, потом в Зырянск и так далее до бесконечности. За более «серьезные» нарушения чекисты бросают заключенных в «каменные мешки».

В стародавние времена каждый монах в Кремле и каждый святой в пещерах имели по маленькому погребу, выбитому в большом камне кельи, где хранились съестные припасы. Погребки в 3—4 фута глубиной не имели дверей, и провизия укладывалась в них сверху через маленькие отверстия. Это были знаменитые «каменные мешки». Чекисты подводили заключенных к «мешку» и спрашивали: «Как ты хочешь влезть туда — вниз головой или вниз ногами?» Если арестант влезает в «мешок» вниз головой, то его больно бьют «смоленскими палками» по спине и ногам; если он предпочитает вниз ногами, — его колотят по голове и лицу. Избиение продолжается до тех пор, пока все тело целиком не войдет в «мешок», слишком узкий, чтобы в нем можно было сесть и слишком неглубокий, чтобы стоять. Поэтому истязаемый должен находиться в коленопреклонном состоянии с вытянутой вперед головой. Время нахождения в «мешке» длится от трех дней до недели. Пайки тут такие же, как на «Секирке». Очень немногим удастся вынести эту средневековую пытку.

На Соловках не практикуются массовые расстрелы, подобные тем, что имели место в «Белом доме», но отдельные расстрелы довольно часты и считаются обычным явлением.

Советское правительство прибегает время от времени к уничтожению некоторого количества заключенных, как к ответному шагу. Это делается в то время, когда в других странах предпринимаются меры подавления вспышек терроризма среди собственных коммунистов. Так, более ста человек, как русских, так и иностранцев были расстреляны после разгрома

коммунистического мятежа эстонским правительством 1 декабря 1924 года, и несколько меньше — после подавления восстания в Болгарии.

Из открытых заявлений чекистов я заключил, что ГПУ сейчас не нужны систематические массовые расстрелы, потому что есть более «гуманные» способы для достижения совершенно аналогичного результата: медленная смерть от голода, работа сверх человеческих сил и «медицинская помощь». Ошибочно предполагать, что для пыток «комарами» и «каменными мешками», для заключения на «Секирке» или расстрела нужно совершить какое-либо преступление. Заключенные всецело зависят от непредсказуемых капризов лагерной администрации, на произвол которой они брошены центральными властями. Если чекисту не нравится ваше лицо, если кто-то увидел, что вы тайком перекрестились, если вы поведали в письмах к родственникам о своей тяжелой судьбе — «Секирка» и «мешки» распахивают для вас свои страшные объятия.

ГЛАВА 15

КАК ЖИВУТ ЧЕКИСТЫ

Роскошествующие пролетарии — Веселые сборища в Кеми — Отвратительные оргии — «Высоко держите знамя коммунизма» — Как освобождены уголовники.

Концлагерь на Соловецких островах охраняется Третьим конвойным полком войск ГПУ (всего 300 винтовок), а на Поповом острове — 95-й дивизией войск ГПУ (150 человек). Несмотря на хорошее питание, среди красноармейцев свирепствует цинга, равно как и сифилис. Солдаты, за исключением тех, кто находится на посту по охране лагерей, живут на частных квартирах.

Соловецкая охрана, составленная из уголовных элементов, которые после Октябрьской революции внезапно обнаружили «классовую сознательность» и десятками тысяч вступили в Коммунистическую партию, все свое время проводила за игрой в карты, в дебошах, за распитием самогона и в пьяных оргиях. В этом они следовали примеру вышестоящего начальства.

Образ жизни, который ведут представители соловецкой администрации весьма далек от пролетарского образца. Ногтев, Эйхманс, Васко, Кириловский, Попов ни в чем себе не отказывают. Зарабатывая за счет заключенных огромные деньги, «начальники» ведут совершенно некоммунистический образ жизни. Напитки, одежда и другие товары всегда поступают к ним с поезда из Москвы, Петрограда и Кеми. Я сам принимал участие в разгрузке двух таких составов. Они были заполнены водкой различных сортов, русскими и иностранными винами, включая шампанское и ликеры, дорогостоящей одеждой, как мужской, так и женской (для наложниц), удобной мебелью и прочим.

«Начальники» известны своими оргиями не только на Соловках, но и за их пределами — по всему северу России. Местом их дебошей обычно является Кемь, куда «собираются для веселья чекисты из монастыря и с Полова острова.

На Поповом острове оргии проходят на квартире Кириловского — коменданта Кемперраспредпункта, который еще недавно имел репутацию хорошо воспитанного человека. Как правило, почти все застолья обязательно заканчиваются перебранкой. К примеру, в августе 1924 года во время обычной попойки гости и хозяин настолько напились, что Кириловскому сделалось плохо, и его вывели на свежий воздух. Когда он вернулся в дом, то увидел, что гостей, набравшихся до поросячего визга, рвало прямо на стол, а его жена в соответствующей позе лежала на кушетке в объятиях Попова. Придя в бешенство, Кириловский стащил Попова с кушетки и отбросил с такой силой, что тот проломил головой дверь. Попов, однако, исхитрился ударить коменданта по лицу, разбив ему очки. Затрещали выстрелы, Попова отволокли домой, где он перебил кулаками все окна и, проливая горькие слезы, вопил так громко, что было слышно по всему лагерю: «Убили, убили!»

Я склонен думать, что такой стиль жизни не является коммунистическим идеалом. Тем не менее, в ноябре 1924 года начУСЛОНа получил из Московского ГПУ письмо, полное благодарностей. В нем выражалась признательность Ногтеву и его коллегам за то, что они «высоко держат знамя коммунизма».

По завершении алкогольных развлечений начальники Соловков забавляются амнистированием шпаны. После установления навигации ежедневно освобождается до 500 человек. Процедура проходит так: у уголовников и уголовниц снимают их последние лохмотья («казенную одежду»), вручают им железнодорожные билеты до родных мест, снабжают хлебом в зависимости от протяженности путешествия. Потом шпану абсолютно без всякой одежды погружают в вагоны и отправляют на станцию Кемь.

Естественно, половина уголовников прямо по прибытии в Кемь начинают грабить, чтобы добыть какие-либо вещи, что является причиной возвращения шпаны в лагерь, где они получают еще заключение. Оставшаяся половина уезжает голой.

Никого из контрреволюционеров никогда не освобождали. Время от времени просачивались слухи о том, что, возможно, будут выпущены на волю политические, или их повезут в какую-нибудь континентальную тюрьму. Но эти слухи так и остались слухами. Если политические покинут Соловки, то только ради другого места ссылки.

Часть III. НАШ ПОБЕГ.

ГЛАВА 1

ЕДИНСТВЕННЫЙ ПУТЬ НА СВОБОДУ

Лицемерие большевиков — Пожизненные узники — Побег студента Николаева — Провал других попыток.

Группам иностранных рабочих, которые приезжают в Москву, Советское правительство дает понять, что само оно, конечно же, против существования Соловков и охотно допускает, что Соловки заставляют усомниться в «гуманности» народной власти. «Но,— вопрошают советские руководители,— что же делать?» Контрреволюционеры продолжают борьбу с народной властью, поэтому ГПУ в свою очередь настаивает на необходимости концлагерей и при этом перекладывает всю ответственность на Совет Народных Комиссаров. Пока все это говорится, Совет Народных Комиссаров и ГПУ пожизненно заточают своих узников на Соловках и их подобиях. С осени 1924 года по специальному приказу ГПУ, переданному на рассмотрение ВЦИК и им утвержденному, каждый заключенный, отбывший свой срок на Соловках, высылается еще на три года на «вольное поселение» в Нарымский край, затем еще на три года в Печерский район, и в итоге получается 12 лет. Для тех, кто каким-то образом ухитрился не умереть в течение этого времени, припасена окончательная «награда» — ссылка на вечное поселение в Восточную Сибирь.

Так что в каком бы преступлении вас ни обвинили, как бы вы ни вели себя на Соловках, вас никогда не освободят. Любой сосланный советскими властями обречен на гибель во время своих странствий из тюрьмы в тюрьму, из одного места насильственной ссылки в другое.

Ужасное осознание того, что он осужден пожизненно, что после Соловков его повезут на новые страдания, отдадут во власть новому Ногтеву, новому Кириловскому, назначат худший паек, заставят выполнять еще более тяжелую работу, бросят в «каменный мешок», сгноят в другой «Секирке» приводит несчастного узника к убеждению, что это нескончаемое, безнадежное хождение по мукам должно быть раз и навсегда прекращено при помощи побега. Но успешное бегство с Соловков — сущее чудо, невероятный жест, ниспосланный благосклонной судьбой всего лишь нескольким счастливым из десятков тысяч простых смертных.

В мою бытность на Соловках я слышал только об одном случае, когда заключенному удалось бежать с острова, причем он бежал не за границу, а в глубь России. Это был студент-медик по фамилии Николаев («контрреволюционер»). Каким-то образом ему удалось устроиться на службу в комендантскую контору и войти в доверие к чекистам, изобразив ненависть к контрреволюционерам. Он стал управляющим всеми делами лагеря, имел в собственном распоряжении образцы официальных бумаг, и даже иногда по вопросам конторы без охраны ездил в Кемь. Студент подделал для себя: необходимые документы на вымышленное имя: бесплатный железнодорожный билет и даже удостоверение члена компартии. Затем

Николаев отправился в Кемь, якобы по делам и более уже не вернулся. Много недель спустя мы получили письмо, в котором сообщалось, что Николаев находится в Москве, шлет нам теплый привет и желает наискорейшего выезда на юг.

Все прочие попытки неизменно заканчивались поимкой беглецов и преданием их мучительной смерти. Так было с финном, пытавшимся бежать в марте 1925 года, так стало с группой Цхиртладзе.

Шестеро контрреволюционеров во главе с капитаном Цхиртладзе совершили побег из Соловецкого монастыря в лодке, захваченной после убийства часового. Пять дней их носило по бурному морю. Они старались пристать к берегу близ Кеми, у них не было пищи, иссякли последние силы и несколько раз закрадывалась мысль о совершении самоубийства (опрокинув лодку). Но в конце концов один из несчастных «колумбов» вдруг воскликнул: «Земля!» Они причалили к берегу и высадились поздней ночью. Беглецы были настолько слабы и истощены что, разведя в лесу костер, полумертвыми пали на землю, забыв обо всем. Там их и обнаружил соловецкий патруль. Чекисты швырнули в огонь ручные гранаты. Четверо из беглецов были тут же убиты, а двое (один из них капитан Цхиртладзе) захвачены. Капитану взрывом оторвало руку и перебило обе ноги. Пленников отвезли в больницу, немного подлечили, а потом после жестокой пытки расстреляли.

Благодаря одному чуду, прямому Божьему промыслу смогли совершить невозможное — побег — я и четверо моих товарищей. Только об одном, о спасении, просили мы Бога, который вел нас 35 дней через Карельские болота и пограничные леса, а на 36-й день вывел к Кусамо в Финляндию.

ГЛАВА 2

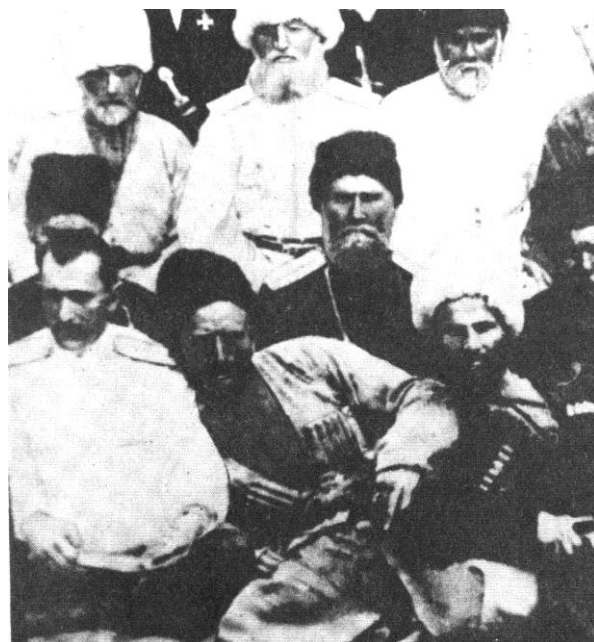
ВОПЛОЩЕНИЕ НАШИХ ПЛАНОВ

Тщательная разведка — Приезд Бессонова — Наша группа составлена — Нужна большая изобретательность — Критический момент.

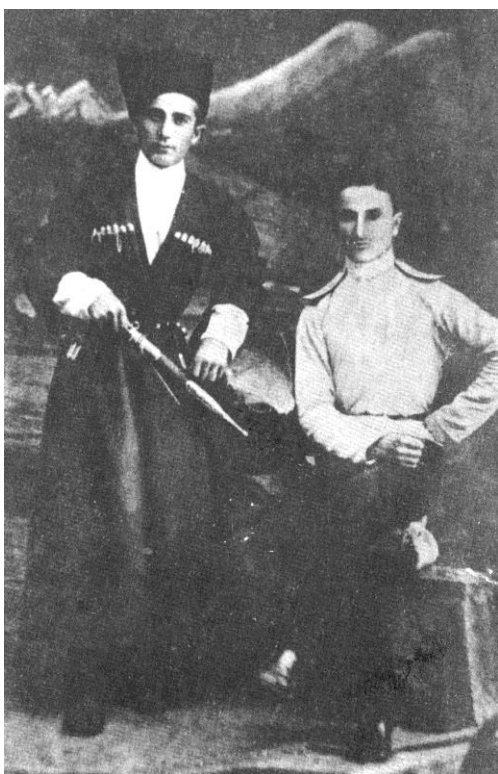
Мысль о побеге постоянно не давала мне покоя еще на Кавказе в тюрьмах Чрезвычайных комиссий Батума, Тифлиса, Владикавказа и Грозного. По прибытии на Соловки я сразу же начал выяснять все имеющиеся для этого возможности. В Соловецком лагере наведение подобного рода справок должно производиться с исключительной осторожностью. При расспросах и выяснении обстоятельств необходимо применять большую тонкость и деликатность. Нельзя с уверенностью сказать, кто именно из заключенных агенты ГПУ, а кто думает так же, как и вы. Часто происходили случаи, когда образованные заключенные, на первый взгляд вполне обаятельные люди, предавали своих товарищей.

Созерко Мальсагов

*В центре – отец Созерко Мальсагова
Артаган Мальсагов, командир Ингушского дивизиона*

Созерко Мальсагов (справа)

*Стоит ротмистр царской армии
Орцко Артаганович Мальсагов, 1912 г.*

В кругу родных

Жена Созерко Мальсагова Леби

*Брат Созерко Мальсагова
Орцо (слева)*

*Фотокопия финского паспорта Созерко
Мальсагова, 1926 г.*

Родные Созерко Мальсагова, 1931 г.

Дочери Созерко Рая и Мадина

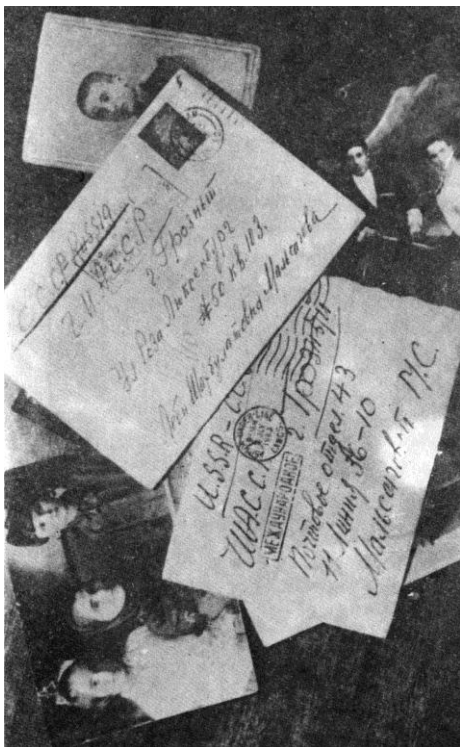
*Дженнет Скибневска – офицер-пропагандист,
участница движения Сопротивления; сражалась в
одном ряду с Созерко Мальсаговым против фашистской
Германии*

Созерко Мальсагов (справа), Польша, 1933 г.

Жена Леби, дочери рая и Мадина

Письма из Англии

Созерко Мальсагов (слева), Англия

Внуки Созерко – в первом ряду (слева) Марьям; во втором: Шахбулат, Хаджимурат, Сафар

*Могила С. Мальсагова в
Портленде (Англия)*

Зимой 1924—1925 годов я сблизился со студентом-медиком Николаевым. Он сообщил мне, что подготавливает побег. Мы, однако, не пришли к общему согласию относительно последующего этапа в осуществлении плана. Николаев настаивал на необходимости бежать вглубь России, имея при себе все нужные документы: он обещал их подделать. Как уже говорилось в предыдущей главе, ему самому удалось полностью реализовать задуманное. Я же, напротив, был сторонником побега за границу по двум причинам: даже если нам удастся бежать, чекисты очень скоро могут обнаружить нас, останься мы в России; Кавказ — конечная цель моего пути — находился слишком далеко от Соловков, и я никак не мог быть уверенным, что доберусь туда. Итак, пока Николаев с успехом пробирался через Кемь и Петроград в Москву, я оставался на Соловках в ожидании более благоприятной возможности.

В одну из февральских суббот 1925 года на Соловки прибыл новый этап с контрреволюционерами. Среди арестантов находился бывший капитан драгунского полка личной охраны Его Величества по фамилии Бессонов. Он не провел в лагере еще и двух дней, когда спросил меня: «Как вы относитесь к мысли о побеге? Я довольно скоро собираюсь бежать отсюда».

Так как у меня были все основания считать, что имею дело со шпионом ГПУ, я ответил: «Я и не думаю никуда бежать. Мне и здесь хорошо».

Но скоро я получше узнал Бессонова. Его выслали в Тобольск за «контрреволюцию» и неоднократные попытки бежать из тюрьмы. Он все же ухитрился совершить побег из Тобольска и добраться до Петрограда, где провел полгода на свободе. Затем Бессонов вновь попал в руки ГПУ, которое приговорило его к расстрелу. Но приговор был заменен пятью годами Соловков с последующей ссылкой в Нарымский край. В лагере он держался независимо. Не скрывал своего презрения к чекистам и не подчинялся приказам персонала.

Мы решили бежать в Финляндию. Каждый из нас искал среди заключенных спутников для рискованного путешествия. Бессонов пришел к выводу, что наиболее подходили два поляка — Мальбродский и Сазонов. Мальбродский был особенно нужным спутником, поскольку располагал компасом. Находясь в тюрьме Минского ЧК, он упрятал свой компас в куске мыла, и тайно провез его на Соловки. Естественно, у нас не было никаких карт местности. Направление нашего похода определялось просто — на запад. И для этого компас имел решающее значение.

Только те заключенные, которые заняты на работах вне лагеря, имеют шанс бежать. В последнее время администрацией мне поручалось составлять списки арестантов, назначаемых для выполнения различных внешних работ. Но мне самому, однако, чекисты не позволяли выходить за проволочный забор, т. к. они давно подозревали меня в намерении бежать. Я столкнулся с трудной задачей—составить список, включив в него нужных нам людей, а в дополнение внести еще туда же и свою фамилию.

Как правило, для внешних работ составляют группы от 5 до 12 человек. Нам не нужно было слишком много народу. Следовало набрать группу, включающую уже названных 4 заключенных: Бессонова, Мальбродского, Сазонова, меня и еще какого-нибудь надежного «контрреволюционера». Мне удалось вписать кубанского казака, которого мы ни о чем заранее не предупредили.

Но успеху препятствовало одно обстоятельство. Каждая группа, как правило, состояла из заключенных, входящих в состав одной трудовой роты. Бессонов относился к пятой роте, а Сазонов — к седьмой.

Хотя и испытывал беспокойство за судьбу с большим трудом составленного плана, мне, тем не менее, удалось включить всех наших в одну группу.

Рано утром 18 мая 1925 года две партии заключенных были выведены на работу за территорию лагеря. Группа из 6-й роты направлялась рубить лес на берегу неподалеку от Кеми, а другая, наша,— мыть бараки красноармейцев на самом Поповом острове. Это грозило сорвать весь план, т. к. с Попова острова невозможно убежать.

Все это время чекист по фамилии Мясников особенно внимательно наблюдал за мной. Иногда он говорил, что прежде был гусаром, иногда — матросом, иногда — сослуживцем Дзержинского. В лагере Мясников занимал должность помощника командира трудового полка. И мне пришлось под его наблюдением искать повод для того, чтобы именно нашу (а не другую) группу направили в лес. После минутного раздумья, я подошел к заключенным из 6-й роты и сказал: «Ребята, да вы просто

98

замерзнете в лесу в своих лохмотьях и лаптях. Вам бы лучше отправиться в бараки». Наши же, специально готовясь к побегу, подлатали одежду и починили обувь.

К счастью для нас, как раз в этот момент Мясникова куда-то вызвали, и я подвел нашу группу к охране со словами: «А теперь, товарищи, идем работать в лес».

Никогда еще мое сердце не билось так сильно, как в ту минуту. Нам выделили конвой из двух красноармейцев, и мы пошли на работу.

ГЛАВА 3

НАШ ПОБЕГ: ПЕРВЫЙ ЭТАП

Первоначальный успех — Следуя нашими путями — Бессонов в роли диктатора — Следы преследователей — Западня.

Мы рубили лес до восьми часов утра. Именно в это время проходит товарный поезд, следующий с Попова острова в Кемь. Поэтому было бы очень опасно бежать раньше. Когда поезд скрылся из виду, Бессонов подал ранее условленный знак — поднял свой воротник. Мы сзади набросились на солдат и нам удалось сразу же разоружить одного из них. Второй оттолкнул Мальбродского и Сазонова, которым было поручено обезвредить его, и поднял дикий крик. К счастью, мы находились в трех милях от лагеря. Я сбоку ударил красноармейца, и он упал.

Я был за расстрел обоих солдат: они были коммунисты и служили в войсках ГПУ, но Бессонов убедил меня не делать этого, поскольку акт мести в данной ситуации совершенно не принес бы никому никакой пользы. В этот момент кубанский казак, который от удивления рухнул на землю, простер к нам свои руки и взмолился: «Братишки, не убивайте!» Мы успокоили его: «Чего ради ты поднял такой шум, дурень? Никто и не думает тебя убивать. Свобода, которую ты имел на Соловках, дарована Калининим, а мы сейчас по-настоящему освобождаем тебя. Поступай, как знаешь. Если ты вернешься в лагерь, расстрел неминуем. Идти с нами — рискованное дело. Или, если желаешь, отправляйся на юг, в свою Кубань. Мы обойдемся без тебя. Так что, поступай как знаешь».

Казак пошел с нами. Его фамилия была, между прочим, Приблудин. Еще раньше мы условились твердо следовать намеченному пути, во что бы то ни стало достичь русско-финской границы. Главная цель — благополучно пересечь ее, поэтому взяли западное направление. Мы прошли 12 миль точно на север вдоль железнодорожной насыпи, ведя с собой двух красноармейцев. После 9

миль одного из них мы послали в западном направлении, а второго отпустили, пройдя 11 миль. При этом у обоих отобрали ботинки. По нашим предположениям, они не смогли бы добраться до лагеря раньше следующего утра, даже если бы отыскивали обратную дорогу.

Мы дошли до домика железнодорожника и попросили его продать нам хлеба (у нас было шесть червонцев, собранных за время подготовки к побегу). Но стрелочник (очевидно коммунист) отказал нам. Пришлось забрать пищу силой. Мы нагрузили Приблудина, Мальбродского и Сазонова продовольствием и прошли еще три мили на север. Затем повернули на восток, потом на юг и возвратились почти в то же самое место, из которого два дня назад начали свой поход на север. Мы пересекли железнодорожную насыпь и взяли курс прямо на запад.

В течение этих первых дней мы шли без остановок, целые сутки. «Привалы», обозначенные в дневнике Бессонова (он вел его на внутренней стороне переплета своей Библии), были лишь минутными остановками на еду. Но скоро начала сказываться усталость. Дорог не было, наш путь пролегал по влажной почве, покрытой густым низким слоем растительности, и по бесконечным болотам.

Бессонов, который сам утвердил себя в ранге безжалостного диктатора, потрясал винтовкой перед носом каждого, кто останавливался хотя бы даже на минуту, и грозил убить на месте. В тот момент он казался нам жестоким, но теперь я понимаю, что беспощадная строгость нашего командира в большей степени определила успех побега.

Мы еще раз резко изменили направление и продвинулись к югу, в сторону реки Кемь. Здесь нас настигла метель. Сильный ветер валил с ног. Мои ботинки развалились совсем, но, к счастью, у меня оказалась пара старых калош, которыми я и воспользовался, предварительно обмотав ноги тряпьем. Возможно, этот ужасный буран, принесший столько лишений, в то же время и помог нам, снег замел наши следы.

Хлеб закончился. У нас осталось 30 кусочков сахара. Мы вынуждены были ввести «голодный паек» и тщательно делить каждую крупицу. В этот момент мы подходили к деревушке Подужемье.

Около деревушки нам бросились в глаза следы чекистов. Так как Бессонов был обут в пару казенных ботинок, отобраанных у одного из красноармейцев, мы смогли сравнить следы и убедились, что прошли солдаты войск ГПУ. Здесь же просматривались отпечатки лап собак-ищеек. Мы поняли: за нами охотятся с собаками.

Было решено следовать на запад вдоль берега реки Кемь без всяких отклонений. Я так обморозил ноги, что временами на глазах появлялись слезы от боли.

Но не оставалось ничего другого, как идти дальше и дальше. Приблизительно в десяти милях от Подужемья мы встретили двух карелов. Они пришли в ужас от нашего каторжного вида. Карелы сообщили, что вся республика оповещена по телефону о том, что с Соловков бежали пять человек. За поимку каждого беглеца обещали десять пудов муки. Они видели 10 чекистов с собаками. Кроме того, катер из Кеми с шестью военными на борту патрулирует реку.

Мы попросили у карелов хлеба и табаку. Они дали нам две буханки и пакет махорки, за что мы заплатили им три рубля. У них не было сдачи. Карелы посоветовали свернуть в сторону на 25 миль от Подужемья к молочной ферме. Через некоторое время мы обнаружили на этой ферме вполне профессиональную засаду. Но я не думаю, что два карела умышленно направили нас туда. Обычно, приближаясь к обитаемым местам, мы ложились на пару часов на землю и наблюдали, кто входит и кто выходит из него. И на сей раз было сделано то же самое. Но ничего подозрительного мы не обнаружили. Сазонов, Мальбродский и Приблудин остались в укрытии. А Бессонов и я направились к ферме; он открыл дверь, но уже с порога издал дикий вопль: «Красные!». Распахнув дверь, Бессонов увидел три прямо на него наставленные винтовки. Будучи на редкость хладнокровным человеком, он и в этой ситуации не утратил самообладания, быстро захлопнул дверь и начал стрелять сквозь нее.

Я устремился к нему. Красноармейцы все еще безмолствовали. Было глупо вступать с ними в бой, и мы решили отойти в лес. Но для этого необходимо было пройти мимо окна, и чекистам ничего не стоило перестрелять нас оттуда, как куропаток. Бессонов занял позицию удобную, рядом с конюшней, откуда можно было бы в любой момент открыть огонь по окну, если вдруг там появится солдат. Я стоял с другой стороны с винтовкой наготове. Через некоторое время мы, покидая наши посты, сами отдали себе команду: «Бегом марш!» — и были почти у самого леса, когда к берегу от устья Шомбы, притока Кеми, подплыл катер с шестью солдатами на борту. Те красноармейцы, что находились в доме, повыпрыгивали из окон с противоположной стороны, выходящей к реке. В перестрелке уже не было никакого смысла. Однако Бессонов стрелял в катер.

Чекисты выскочили на берег и бросились к лесу. Откуда ни возьмись,— появилась другая лодка, заполненная плачущими женщинами и детьми из семей карельских рыбаков. Мы поспешно скрылись в лесу.

Приблизительная карта показывает путь нашего бегства (помечена точками)

1. Соловецкий остров (в действительности, он гораздо дальше от материка).
2. Рымбаки.
3. Попов остров.
4. Кемь.
5. Подужемье.
6. Река Кемь.
7. Река Шомба.
8. Деревянная дорога.
9. Озеро Торо.
10. Озеро Муоярви.
11. Главная дорога от Кусамо до Улеаборга.

ГЛАВА 4

УЖАСНЫЙ ПЕРЕХОД

Сазонов — плотовщик — Горькое разочарование — Кладовая косарей — Грабеж коммунистической фермы — Неминуемая гибель — Плавательный рекорд Сазонова.

Мы продолжили свое изнурительное путешествие через болото, поросшее густыми кустарниками. Надежда сменилась в наших сердцах отчаянием. Время от времени мы без сил падали на землю от истощения и усталости. Мои обмороженные ноги причиняли ужасную боль. Мы продолжали следовать почти строго на юг вдоль реки Кемь, а затем повернули на запад. Таким образом, падая и поднимаясь снова, непрестанно проваливаясь в болотистую воду, мы покрыли 25 миль. Впереди показалось большое озеро. На его берегу было несколько рыбацких хижин, но дома никого не оказалось. Мы прихватили немного съестного, оставив на камне червонец с запиской следующего содержания: «Простите, но нужда заставляет нас заниматься воровством. Вот вам червонец». Длительное время мы не представляли, как перебраться через озеро. Попытались обойти его вокруг, прошли десять миль— и никакой надежды, всюду вода. Тогда Сазонов, выросший вблизи водема, смастерил несколько необычных маленьких плотов, связывая чем попало планки. В ход было пущено все, что имелось в нашем распоряжении: ремни от винтовок, пояса, рубахи. После этого Сазонов перевез нас на противоположный берег. Мне запомнилось, что переправа по озеру отняла у нас последние силы. Воскрешая теперь в памяти весь пройденный в те страшные дни путь, я не могу понять, как нам удалось выдержать такое напряжение (физическое, психическое) и не пасть замертво где-то в карельских торфяниках.

Но, очевидно, Богу было угодно сохранить нас, выведя из густых болотных зарослей, чтобы мы засвидетельствовали перед всем миром: святые пределы Соловецкого монастыря превращены нечестивым правительством в места неизбежной муки.

Переправившись через озеро, мы решили двигаться строго на запад. Вокруг простирались бесконечные болота без всяких тропинок. У нас не осталось ни кусочка хлеба. В течение трех дней сильный голод был единственным нашим ощущением, поэтому на четвертые сутки, рискуя угодить в засаду, мы все-таки отправились на поиски хлеба. Охотясь за съестным, мы набрали на деревянную дорогу, которая пролегла через болото. Очевидно, ее построили англичане. На ней мы не обнаружили чьих-либо следов. Проведя военный совет, единодушно решили свернуть на север в надежде найти жилье. Прошли 12 миль — ни души. Через некоторое время мы поравнялись с другим озером. На противоположном берегу виднелась большая деревня. Можно было расслышать голоса и собачий лай. Мы медленно доплелись до берега. Бессонов и Сазонов долго стояли у самой воды и громко кричали: «Эй, кто-нибудь!». Наконец нас услышали. Подплыла лодка, на веслах сидел карел. «Можно ли раздобыть у вас хоть сколько-нибудь хлеба? Мы заплатим». «Хлеба раздобыть можно сколько угодно. Да и всего другого тоже,— ответил честный рыбак,— но в деревне чекисты с Соловков. Они разыскивают вас».

Мы опять углубились в заросли кустарника. Беспрерывно шел дождь, стояла сырая и ветреная погода. Более четырех дней мы ничего не ели, а только курили. В конце концов наша группа вышла к деревянной тропинке, проложенной над водой. Она привела нас к маленькому домику среди болота. Мы тщательно осмотрели это местечко, но не обнаружили ничего съестного. Четверо из нас пытались под дождем развести костер из хвороста, а Бессонов продолжал

исследовать окрестности. Из своей разведки он вернулся внезапно, держа в руках пять караваев черного хлеба. По пути Бессонов с жадностью поедал кусок за куском. Сначала я думал, что это галлюцинация, вызванная голодом. Но нет же! То был настоящий хлеб, причем в изобилии. Несомненно, домик принадлежал карельским косарям. Зимой они переносят съестные припасы в дом, поскольку летом до них невозможно добраться — болота превращаются во внутреннее море. Недалеко от избушки Бессонов обнаружил деревянное укрытие, похожее на гигантский гриб. Оно открывалось посередине, и прямо под ним были сложены сотни огромных караваев, три мешка крупы, мешок соли. Наша радость не знала границ. Мы решили хорошо отдохнуть. К счастью, вероятность чекистской засады в центре болота могла быть полностью исключена, поскольку доступ сюда практически был невозможен, кроме как по найденной нами тропинке. Из этого хлеба мы приготовили отвар, зажарили мясо и сварили суп. Мы прожили в избушке, пока хлеба не осталось по пяти буханок на каждого.

Потом — опять на запад. Вода, вода, вода — без конца. Мы шли около недели, имея по пяти буханок на каждого. Найденная тропинка вывела нас к уединенной молочной ферме. Мы спрятались, стали внимательно прислушиваться и через некоторое время отправили Сазонова раздобыть пищу. Когда он вернулся с хлебом и маслом, нам бросилось в глаза, что из избушки выбежала крестьянка и заспешила к лодке, брошенной на берегу. Было ясно: в этом доме живут коммунисты, и женщина направилась за красноармейцами. Мы несколько раз выстрелили в ее сторону, она испугалась и вернулась в дом.

Мы дочиста разграбили этих коммунистов: забрали кадку масла, много белого хлеба и всю имеющуюся рыбу. У нас оказалось так много провизии, что даже Бессонов и я, которые обычно шли во главе отряда только с одними винтовками и прокладывали путь, теперь несли на плечах каждый по мешку.

К этому времени наша одежда превратилась в лохмотья. Колючие кустарники все изодрали в клочья. Ботинки развалились прямо на глазах. Наши бороды взлохматились и свалились, лица были невероятно грязные, на коленях и локтях зияли дыры. В общем, мы выглядели, как людоеды или беглецы-каторжники.

Пробираясь через лес по узкой тропинке, мы наткнулись на следы солдатских ботинок и окурков от самокрутки. Так как у нас не осталось больше табаку, мы с жадностью схватили окурков, и каждый сделал по две затяжки. Сазонов и Мальбродский настаивали на том, чтобы покинуть опасную тропинку. Мы вышли к реке. Поиски брода заняли три часа, но его так и не удалось обнаружить. Нам пришлось опять вернуться на покинутую тропинку.

После длительного пути мы вышли к месту, где четко просматривались следы многих ног. Это подсказало нам, что граница совсем рядом. Но установить, хотя бы приблизительно, где она, мы не могли. У нас не было карты, и никто не знал, сколько миль нужно пройти, чтобы достичь Финляндии. Стрелка компаса показывала нам только, где находится запад, и это все.

Мы осторожно пошли по следу. В тот момент, когда наш отряд огибал маленькую возвышенность, из-за большой скалы посыпался град пуль. От неожиданности я застыл на месте как вкопанный. Пущенные в нас, чуть ли не в упор, 50 или 60 пуль просвистели мимо, никого не задев. Нам были видны вспышки от производимых со скалы выстрелов. Мелькнула догадка, что попали в засаду, устроенную с обеих сторон тропинки. В данной ситуации спас нас лес, особенно густой в этом месте.

Мы разбежались в разные стороны среди деревьев. Стрельба продолжалась долго. Возможно, это было столкновение с советским пограничным отрядом.

Быстро продвигаясь в западном направлении, мы вновь остановились у реки. Брод так и не был найден. Попытка обогнуть реку тоже ни к чему не привела: мы проделали долгий путь и в итоге вернулись на прежнее место. Через несколько дней выяснилось, что по этой реке проходила граница между Россией и Финляндией. Она считалась непреодолимой, поэтому ее не охраняли ни финны, ни русские. Но мы должны были перебраться через реку, она преграждала нам путь на запад. Сазонов переплыл на противоположный берег. Мальбродский нырнул в воду и стал тонуть. Сильным течением его понесло вниз. Я с трудом вытолкнул Мальбродского на берег. Меня самого отнесло на несколько ярдов ниже, я уже начал захлебываться, но вовремя уперся стволом своего ружья в речное дно и сумел удержаться на поверхности. Мы не знали, как поступить. Вконец обессиленные и измученные, несколько раз безрезультатно бросались в воду и каждый раз возвращались на берег. Спас нас Сазонов, который вновь продемонстрировал свое умение покорять любое течение: он каждого из нас по очереди переправил на противоположный берег на собственной спине.

ГЛАВА 5 СВОБОДА

Языковые трудности — Счастливая уверенность — Дневник Бессонова — Убытки, понесенные финскими крестьянами — Друг в нужде — Наконец свобода.

Мы промокли до нитки, отсырели патроны. От холода зуб на зуб не попадал, и в довершение всего маленький запас хлеба унесла река. К счастью, пару дней спустя, в лесу мы набрали на оленя. Бессонов, ухитрившийся (в отличие от всех нас) сохранить свое оружие сухим, пристрелил его. На радостях мы сразу съели почти половину туши без хлеба в вареном виде, а оставшуюся часть взяли с собой. Результатом такого пира явилось общее желудочное расстройство. Несколько дней мы были настолько ослаблены, что с трудом передвигались.

Через двое суток после переправы через реку и довольно длительного пути нам повстречался коттедж. Мы вошли вовнутрь и попросили хозяев продать нам хлеба и кое-какой другой снеди. Они не понимали нас, так как не знали русского языка. Затеплилась надежда, что мы в Финляндии¹. Мы спрашивали, где мы что это за страна — Финляндия или Россия. Пришлось прибегнуть к помощи жестов и объяснить на пальцах, но это было совершенно бессмысленно (между прочим, попав в Финляндию, мы узнали, что финское название страны — Суоми). Мы взяли нужную провизию и предложили хозяевам червонец, но они от него отказались. Тогда мы высыпали свой оставшийся запас мелких монет, которых набралось 90 копеек серебром. На серебро крестьяне согласились. Мы уходили от них, провожаемые недружелюбными взглядами. Прошло еще несколько дней, полной неуверенности и тревоги: пересечена ли граница, находимся ли мы в Финляндии или еще в СССР? Если принять за факт последнее, не рискуем ли мы провалом нашего побега после стольких трудностей, не попадемся ли мы снова в руки чекистов? 23 июня мы вышли к большой реке. На противоположном берегу стояло много народу: очевидно, шла подготовка к сплавке леса. В течение последних недель нам бросилась в глаза определенная перемена в окружающем пейзаже: везде проглядывались признаки порядка и культуры. Мы даже нашли пачку из-под сигарет с нерусской надписью. Да и работники на том берегу были одеты гораздо чище их советских коллег. После долгих сомнений и беспокойства мы решили, что граница осталась позади. Крикнув, мы попросили прислать с другого берега лодку.

Переправившийся работник объяснил нам (конечно, не без труда), что СССР лежит далеко позади. Несколько мгновений мы не могли вымолвить ни слова, т. к. радость перемешивалась с усталостью. Казалось, последние силы внезапно оставили нас. Бессонов этот незабываемый момент зафиксировал в своем дневнике только одним словом: «Финляндия».

Наш «диктатор» вел дневник на внутренней стороне обложки за оглавлением и на оборте последней 440-й страницы «Нового Завета Господа нашего Иисуса Христа» (Синодальное издание 1916 года). Ежедневно он делал коротенькие записи карандашом. Эти малосвязанные между собой заметки, воистину прошедшие сквозь огонь и воду, дают наиболее полную картину всех превратностей нашего побега. Благодаря им, мы не потеряли счет дням.

Я приведу несколько характерных выдержек из дневника Бессонова:

18 мая 1925 года - разоружили конвой и сбежали.

21 мая - Бивуак в лесу. Из-за метели остаемся в хижине.

24 мая - Снегопад продолжается. Прекратился вечером.

26 мая - Снег тает. В 2 часа ночи отправляемся в сторону реки Кемь. В 7 часов вечера пришли в деревушку Подужемье. В 11 часов вечера встретили двух крестьян. Взяли немного хлеба. Ночь. Идем вдоль реки Кемь. Настроение хорошее. В Подужемье засада красноармейцев. Они вышли нас разыскивать.

27 мая - Прошагали всю ночь и весь день без отдыха. Еда почти закончилась. В 7 часов вечера пришли на молочную ферму, угодили в засаду. После перестрелки красные удрали в лодке. Мы поспешили вдоль реки, раздобыли еду у рыбаков. Еды мало. Вынуждены идти голодными. Ужасно устали. В два часа ночи ушли с берега реки, сделали привал в 6 часов утра.

28 мая - Отдыхали весь день. Еды мало. У всех распухли ноги.

29 мая - Ночной переход через «непроходимые» болота. Дневной отдых. Вечером устремились вперед. Отдых. Мешки. Гуси. Заяц. Полночь. Мальбродский не может идти от усталости. Отдохнули.

30 мая - Ночной переход через «непроходимые» болота. Дневной отдых. Вечером устремились вперед. Отдых. Мешки. Гуси. Заяц. Полночь. Мальбродский не может идти от усталости. Отдохнули. Около 11 часов вечера успешно переправились через реку Шомба. Облегчение и большая радость. Слава Богу! Шли всю ночь.

1 июня - Утром неожиданно набрали на рыбацкую избушку. Все они на рыбалке. Взяли там хлеба, оставив три рубля. Большая помощь. Идем дальше. Потеряли дорогу среди озер. Сделали плот. Переправились на другой берег. Вечер. Переход без отдыха. Пошел дождь. Ужасное утомление. «Страшная ночь». Дождь так льет, что наш костер погас. Ни минуты сна. Утомление осталось.

---

¹ Язык не был для нас точным доказательством, т. к. крестьяне по обе стороны границы говорят по-фински.

2 июня - Идем, как пьяные. Утром дождь прекратился. Останавливаемся на дневной отдых. Избушка. Отдыхаем весь день и всю ночь.

4 июня - Утром пошли в деревню добыть пищу. Карелы обещали дать и обманули нас. В деревне солдаты. Еды совсем мало. Идем на запад. Что еще Бог уготовил нам?!

5 июня - Артаганович¹ не может идти, плохо выглядит. Двинулись в час ночи. Дует с севера. Вода, болота, ледяной холод. Непреодолима река. Прошли шесть миль, вместо запланированных шестнадцати. Маленький кусочек хлеба и «манна» в карманах в течение двух дней. Домик косарей. Гриб и огромное количество хлеба, муки и соли. Все пали на колени и возблагодарили Создателя. Почти утро. Все спят. Слава Богу! О Господи, помоги нам таким же образом и в будущем избавь нас от врагов наших! Я верю, он нам поможет.

6 июня - Отдых. Маленькая избушка. В данный миг я счастлив нравственно и физически. Бог явил чудо!

8 июня - Погода изменилась. Тепло. Вода спадает. Едим каждые два часа и славим Бога. Почти ночь. Костер. Я не могу спать. Я начеку. Обстановка хорошая. Ничего не замечено. По нашим подсчетам, по «непроходимым» болотам пройдено 18 миль.

11 июня - Шли всю ночь. Утром остановились на короткий отдых, попили кипяченой воды. Пошли дальше. Остановились в 6 часов вечера. Маленькая избушка № 2. Двинулись вечером. Как много испытаний, чтобы приблизиться к нашей цели! По моим подсчетам, мы в 13 милях от границы. У меня осталось два кусочка хлеба, у Мальбродского — ни одного.

12 июня - Рано утром выпили кипятку под маленьким навесом у озера. Тропинки, озера, дождь. Привал в развалившейся избушке. Нервы. Нечего есть. Господи, помоги нам! Пошли дальше. Движемся всю ночь. Дождь, роса, холодно, тропинка.

13 июня - Озеро. Красные. Линия патрулирования. Идем вокруг. Отдых без костра. Шесть миль на запад — и ни признака границы. По моим подсчетам мы пересекли границу в полночь. Шли всю ночь. Холодно. Развели костер и отдыхаем до утра. Еды нет совершенно.

14 июня - Река. Отступление. Тропинка. Засада. Выстрелы в упор. Бог сберег нас. Хвала ему! Бегство. Назад к реке. Ужасная переправа.

15 июня - Отдых после переправы. Обсушиваемся день и ночь. Ссора. Мир водворен.

17 июня - Счастливым выстрелом сразили оленя. Почти всего съели.

18 июня - Двинулись утром. Остановились на отдых в полночь. Весь день стояли. В 7 часов вечера пересекли поляну.

19 июня - Отдохнули. Поляна никуда не ведет. Рейд на молочную ферму. Отдых с коровами.

21 июня - Двинулись утром. Усталость. Неуверенность. Идти неохота. Поляна. Пошли к краю. Вышли с поляны. Телефонная линия. Сплавка леса. Финляндия!

Бессонов, очевидно, писал в своем дневнике не каждый день; в действительности наш побег завершился 23 июня 1925 года.

Финны приняли нас приветливо. Накормили и отправили в Улеаборг. Начальник улеаборгской полиции своим вниманием тронул до слез. Он не только доставил в тюрьму еду и снабдил деньгами, но и сам отвел меня к врачу для перевязки обмороженных ног. Я, с виду настоящий бандит, грязный, в лохмотьях, почувствовал некоторую странность в его обходительных манерах, а в лицах встречных людей — недоумение: «Кто это угодил в ловушку шефа полиции?» Но, тем не менее, нас освободили не сразу. Выяснилось, что владелец молочной фермы, где мы несколько дней назад взяли провизию, заплатив около рубля серебром, так как хозяева отказались от советских бумажных денег, подал жалобу, требуя компенсацию в 1000 марок. Газеты, в частности, сообщали о происшествии таким образом: «Пятеро большевистских бандитов пересекли границу и совершили вооруженное нападение на финскую ферму». Нам пришлось побывать несколько дней в тюрьме, пока дело рассматривалось (вначале в Улеаборге, а потом в Хельсинки). Но после Соловков и карельских лесов даже тюрьма нам показалась сущим раем. Когда мы приехали в Хельсинки, в тюрьме с нами повидался председатель Специального Комитета по делам России в Финляндии А. Н. Феноулт. Благодаря его неиссякаемой энергии и проявленному участию, нас очень скоро освободили, предоставив возможность прилично одеться и привести себя в более или менее человеческий вид. Примечательно, что Мальбродский (другой поляк, Сазонов, родом из бывшей Виленской губернии, не был признан подданным Польши), который сразу обратился к польскому консулу, покинул тюрьму только с нами, не имевшими официальной дипломатической поддержки. Мне бы хотелось завершить свое скромное повествование словами искренней благодарности всем (как финнам, так и русским), кто проявил к нам в Финляндии столько симпатии и участия. После зверской жестокости, пережитой в концлагерях, вопиющего эгоизма, черствости и непостижимого бессердечия, привитого большевиками несчастному народу России, прием, оказанный в Финляндии, тронул нас до глубины души.

С английского языка на русский перевел Ш. ЯНДИЕВ

---

¹ Отчество автора, С. А. Мальсагова.

ОТЕЦ, ЗДРАВСТВУЙ!

Данные слова выводятся впервые нашей семьей, досель никто из нас не произносил их.

Как ни странно, решила нарушить молчание та, твоя младшая дочь с которой Вы не виделись ни разу в жизни, ибо она находилась во чреве, когда ты вместе с родиной покинул всех нас. Волнения матери, того периода, травмировали меня еще до выхода на божий свет.

Росла очень впечатлительной с болезненным самолюбием и тот портрет твой — доброго, честного, смелого, мужественного человека, созданный моим детским воображением по рассказам близко знавших тебя — стал со временем расплываться по мере моего сознательного роста. Стало ясно, что являясь с детства воспитанником царской армии, в последующем ты, став ее кадровым офицером, не смог по натуре своей изменить, присяге, данной в свое время. Но, не понятно, почему ты в дальнейшем не разобрался в переменах, так слепо, напролом, бросился в водоворот смутных событий. Судить об этом поздно нам, так незаслуженно расплатившимся за-твою роковую ошибку...

Если ты счел нужным на один день окружить заботой свою семью, только вспомнил о ней лишь в старости (извини за резкость, говорят мы до некоторой степени схожи в характерах), то твоя жена, наша преданная мать, явилась сплошным самопожертвованием, от нее и сейчас даже в старости исходит столько зажигающей энергии, что ее живой образ является примером для нас с сестрой. У нас в семье, в этом отношении соблюдалась полнейшая субординация. В свою очередь Рая являлась моим кумиром, на которую я старалась походить по деловым качествам. А, высшей наградой для нас обеих явилась, неожиданно высказанная раз, похвала нашей мамы, что она считает себя счастливой матерью, не испытавшая серьезных огорчений от своих детей. Заслуг ее не опишешь одним росчерком пера. Живем все мы в Грозном, мама находится со мной. Я замужем за Льяновым, а Рая за Яндиевым.

Сына моего в, честь деда, со стороны мужа зовут Сафаром (7 лет). Старшую дочь Раички — Марьям (9 лет), — Мурату (7 лет). Все они учатся хорошо, но самый чудесный у нас Шахбулат — любимец бабы и всех нас. Очень приветливый, умный мальчик, ему 16 сентября исполняется три года...

В общем все молодое поколение наших близких родственников с образованием или в стадии завершения его. В конце концов у нас торжествует правда и горько расплачиваются те, мешающие жить честным труженикам. Будет тебе известно, что это не словесные фейерверки, пущенные для приукрашивания нашей действительности. Это — неоспоримая советская истина, утверждаемая людьми, сильными духом, не боящихся никаких препятствий, смело идущих к коммунизму.

Отец, я знаю, зов родины не дает покоя человеку, оторвавшемуся от нее, его вечно грызет тоска по родным местам. Ответь честно, желаешь ли ты свой остаток жизни провести среди близких на родной земле? Я хочу знать правду о тебе и твоих занятиях. Буду надеяться, что тот образ твой, рожденный далеким моим детским воображением, указанным вначале письма — оживится твоим новым пробуждением, отец!

С приветом Мадина

3/5—63 г..

ДОРОГИЕ МОИ ЛЕБИ, РАЯ, МАДИНА, ВНУКИ И ВНУЧКИ!

Письмо от Мадины, меня сильно обрадовало и одновременно огорчило до горьких слез...

Порадовало потому, что вы все живы - здоровы, что Леби, ваша мать, дала вам обоим, мои дочурки, выйти на широкий свет с большим багажом просвещения, а сужу так по письму Мадины ко мне.

Спасибо тебе, моя дорогая жена, за все и прости великодушно за много хлопот, горе и несчастья, которые я тебе доставил. Ты хорошо знала меня и всегда понимала. Знала мою беспокойную, буйную натуру и одновременно мягкое и доброе сердце, как твое.

Я никогда не был женат здесь за границей и никогда не имел намерение отойти от тебя навсегда.

Нас разъединила стихия, за которую мы оба не несем ответственность, поэтому должны простить друг друга. Аминь!!!

Огорчило, потому, что узнал о смерти моих любимых братьев — Орцхо и Арсамака. Горькие слезы сами потекли и текут сейчас.

Трудно писать. Пусть земля славных аборигенов Сев. Кавказа, будет для них легка как пух!!! Пришлите мне все его (Орцхо) книги (если это возможно). Этим доставите мне величайшее удовольствие.

Когда успокоюсь, начну писать вам всю свою жизнь после сорока лет разлуки с вами. Здесь со мною в одном городе находится Ахмед Ужаков, сын Ибрагима. Он потерял левую ногу выше колена на фабрике. Ахмед У. женат, имеет 4-х детей (два сына и две дочери). Живет хорошо, но очень беспокоится за родных. Жена Султана дочка Э. Нальгиева, его близкая родственница и она, наверное, знает о судьбе всех родных Ахмеда. Прошу об этом ей сообщить и передать адрес, который я здесь даю. Пишите, пишите много о себе, о наших всех родственниках. Живы ли Иса и Джабраил, Багаудин — сын Уби, жена Кругока Лиля? Если — уцелуйте ее от меня.

Ваш отец, муж и дед Соси

Р. С. Дочурки мои! Передайте мой привет и салам вашим мужьям и моим зятям! Прилагаю фото давних лет. Пришлите мне все ваши фото.

Соси

8/7—63 г

ДОРОГАЯ МОЯ МАДИНА!

Большое спасибо вам за фотокарточку. Эта ваша фотокарточка отогнала от меня страшное одиночество, которое грызло всю мою душу в течение нескольких десятков лет. Ты хотела в первом письме узнать правду от меня, касающуюся моей жизни, в настоящее время. Вот она: «Несмотря на все невзгоды — сталинские тюрьмы, концлагери, бегство, эмиграцию, войны» (в которых мне также не везло, как и в, жизни) — остался верным отцом и честным человеком! Свидетелем тому является Аллах!.. Этот мой багаж Чести, пригодится и вам в вашей будущей долгой жизни! Не судите меня строго, пока не узнаете все подробности о моей жизни. Идя все время по тернистому пути, я постоянно думал о всех вас без исключения в ожидании конца этой ужасной дороги, чтобы вернуться к вам моим дорогим. У меня к вам (Рае и тебе) большая просьба: не можете ли уговорить вашу мать, чтобы она приехала ко мне?

Я все устрою через соответствующие инстанции, чтобы получить разрешение для ее приезда ко мне. Я знаю, что трудно уговорить ее на такое решение, но вы все-таки попробуйте. Если согласится, то пусть обязательно заберет с собой Шахбулатика.

Меня очень интересует Альтиево. Кто из близких живет в нашем дворе? Сохранилось ли старое кладбище, где лежат кости наших предков. Напиши подробно о жизни и составе семьи моих братьев — Амая, Орцхо и Арсамака. Меня все это очень интересует!

Берегите вашу мать, постараюсь не оставаться в долгу ни перед кем, кто был внимателен к этой действительно святой женщине. Пишите почаще. Я восхищен моими внуками и внучкой. От друзей получаю много поздравлений по случаю, что нашел вас.

Целую всех без исключения, ваш отец Соси.

Р. С. Ты писала мне, что муж Хавы не вернулся после этой последней войны. Передай т. Хаве мое глубокое соболезнование по поводу потери мужа. Вернулся ли Хаматхан Камбулатович Мальсагов (из Яндырки)? Я очень любил этого мальчика. Меня интересует его судьба. Ничего не пишешь о Шемахо. Я знаю о трагедии его семьи- Жив ли он?

Твой Соси

3/8—63 г.

ДОРОГАЯ МОЯ МАДИНА!

Сегодня читал письмо Ибрагима к сыну. Между прочим, Ибрагим пишет: «Жаль, что у него (у меня) больна жена (Леби)». Ты ни разу об этом не писала. Почему, — не знаю? Если Ибрагим пишет о болезни Леби, значит, она больна серьезно. Напиши подробно о болезни матери, ничего не скрывая от меня. Очень часто поляки-эмигранты, проживающие здесь, высылают лекарства в Польшу для родных (больных), которые не могут достать в своем крае. Ты, как доктор, конечно лучше ориентируешься в этом вопросе. Если нельзя достать в СССР лекарство, необходимое для лечения матери, то немедленно пришли рецепт и, если такое лекарство есть во всей Западной Европе и Америке, я достану и немедленно вышлю тебе. Жду скорейшего ответа. Всем мой салам и маршал, а вас, моих дорогих, обнимаю и целую.

ДОРОГАЯ МОЯ МАДИНА!

В твоём лице я вижу не только хорошую дочку, но и отличного «адъютанта». За подробное письмо прими отцовское спасибо! Ты затрагиваешь очень серьёзный вопрос, на который отвечу позже. Пока сообщу тебе, вернее отвечу на твой вопрос: «Если твоя совесть чиста?»...

Моя совесть перед Аллахом и перед всеми моими дорогими чиста и прозрачна, как наша Назрановская (Алтиевская) родниковая вода. Поцелуй всех моих невесток, племянников и племянниц вместе с моими внуками и внучкой.

Всех вас обнимаю и целую. Ваш отец Соси.

Р. С. Смерть бедного Шемахо меня сильно огорчила. Все поумирали, а многие преждевременно. Царство всем им Небесное!

Соси

27/8—63 г.

НАШ ДОРОГОЙ СОСИ!

Именно таким ты всюду и везде был с нами четвертым. Ты являешься истинным членом семьи дедушки Артагана, которую считали — образцом культуры и благородства для тех, кто был близко с ней знаком. Хотя мы росли в тесном контакте с маминными родными и были экономически от них зависимыми, но по духу более родственны вашей семье.

Об этом даже однажды заметил покойный д. Орцо, что безусловно осталось в моей памяти, как приятное воспоминание.

Почему-то всегда я находила сходство твоих братьев с декабристами и, только один ты из них оказался неудачником, так как твоя фортуна избрала не ту нужную дорогу.

Если мы — до сих пор находились на двух параллельных путях отец, то теперь — пора им сойтись. Ты пережил время и — если твоя совесть чиста — должен сделать последний решительный шаг (ведь тебе привычно рисковать?) для встречи с нами. Имея семью, ты в старости не должен влачить одинокое существование где-то на чужбине.

Наш дочерний долг зовет примирить тебя с нашим строем, проявившим больше чем кто-либо из всех родственников заботу о нашем воспитании. Отец, самым внимательным к твоей жене — нашей матери — было советское государство и ты в неоплатном долгу перед ним за нас, если мы дороги тебе.

Мы своей Родине обязаны всем чем есть, вплоть до жизни, так как она наделила нас самым необходимым земным багажом, т. е. то, что ты называешь «большим багажом просвещения», открыв широкий путь к нему.

Если тебя разъединила «стихия» с нашей матерью, то теперь разумной логикой, обретенной временем мудрости, после бесшабашной молодости ты обязан найти мужество исправить свою ошибку (в искренности поступка, так же как и в мужестве никто не будет сомневаться). Так же цельные, морально не испорченные, кристально чистые духом, честные натуры нужны нам и мы умеем ценить человека.

Серьезно подумай над всем написанным...

Не обижайся за редкие письма, вообще не любительница писать... На сей раз самым активным толкачом был Сафарик, который чуть ли не ежедневно напоминал: «Когда напишешь дедушке?» Пора кончать, будь здоров наш отец. Большой привет, от всех. Целуем крепко своего дедушку Соси. Мадина.

Р. С. Больше всех вестям от тебя радуется твоя единственная внучка Марьям — очень пикантная девочка да плюс ко всему прекрасно танцует, только немного ленится в музыке.

Муратик наш самый крепкий и толковый малыш, подает большие надежды быть математиком, хорошо рисует.

Сафарик — интеллигент, нежный отзывчивый парень, любит все красивое и самый большой лодырь, неохотно занимается музыкой. Неплохо идет по гуманитарным наукам.

Шах растет дипломатом, большая умница.

Еще раз целуем, обнимаем.

Твоя дочь Мадина

МОЯ ДЕЛЬНАЯ, ДОРОГАЯ И МИЛАЯ ДОЧЬ МАДИНА!

Первое — поздравляю всех вас без исключения, с наступающим новым 1964 годом! Мне кажется, что самое лучшее пожелание всех нас, это встретиться в этом новом 1964 году — всем вместе благополучно? Дай же Аллах!

Тебе поручаю передать все вышеизложенное моим невесткам, племянникам, племянницам — их детям, всем моим зятям, Леби, Рае, внукам и славной внучке Марьямке.

Твоя докторская профессия — благодарная, поэтому тебя там любят, так как видно, что ты хочешь помочь в силу твоих возможностей каждому. Я горжусь тобою и безгранично рад, что ты такая и хочу, чтобы ты была такой же доброй и милосердной для окружающих тебя людей, нуждающихся в твоей помощи. Почему я пишу об этом и откуда мне все это известно, я даю короткий ответ тебе. Некоторые земляки мои получают вести из дома и пишут мне, что «Ваша дочь Мадина является исключительной доброты женщины, как врач помогает многим и многим нашим людям...»

Это для меня достаточно, чтобы быть гордым и радоваться, что являюсь твоим родным отцом! Спасибо тебе моя добрая Мадина за доставленную радость старому отцу!

Как здоровье матери? Все ли с ней благополучно?

Если бы я не знал, что она не при тебе, я, наверное, не был бы так спокоен, но слава Аллаху, она бедная имеет опеку, которую нельзя желать лучше. Береги мать!!! Всегда пиши мне о ее здоровье. Пусть дети пишут мне. Может быть Леби (мать) сможет написать пару слов? Всех обнимаю и целую от сердца!

Ваш Соси

20/1—64 г.

ДОРОГОЙ МОИ САФАРИК!

Я вижу ты плохой ездок. Почему? Потому, что ты упал с малого и, наверное, — худенького конька (твой сосед), плюс разбил себе кость и пролежал целых два месяца. Есть такая кавалерийская поговорка: «Если падать, то падать с высокого коня», а ты не успел еще хорошо ходить, а лезешь на катку своего «приятеля» и ломаешь себе кости. Мама твоя пишет, что ты уже на ногах, а главное, стараешься догнать Муратика на коньках. Мне, конечно, очень приятно слышать от мамы, что ты летаешь на коньках с целью догнать Муратика, одновременно задаю себе такой вопрос: «Не слишком ли рано ты начал ездить на этих коньках после поломанной кости?»

Я доволен, что вы оба с Муратиком увлекаетесь этим милым и здоровым спортом, но ты должен быть очень осторожен. Было бы лучше, если бы воздержался еще пару месяцев от всяких гимнастических упражнений. Ты должен точно выполнять все, что тебе будет говорить мама. Понял?

Дорогая Леби! Я знаю теперь, что у Мадины нет времени поддерживать со мною регулярную переписку.

Лучше всего будет, если ты со всеми нашими внуками и внучкой во главе с милейшим Шахом, будете писать мне о самых главных новостях всей вашей жизни. Меня очень интересует житейное и бытие моей племянницы Зины. Переписывается ли с нею? Мне было бы очень приятно, если бы поддерживали с нею связь. Ведь она наша родная, плюс ко всему перенесла видимо много несчастий? Напиши ей и передай им с Раей, что я не забываю о них. Как ты чувствуешь? Напиши мне все подробно о себе.

Вас всех обнимаю и целую сердечно.

Ваш Соси

8/9—64 г.

ДОРОГАЯ МОЯ ЛЕБИ!

Спасибо большое за письмо, которое получил сегодня. Сильно волновался и беспокоился за такое долгое ваше молчание. Теперь, слава Аллаху — все в порядке. Так как Сафарик не здоров, очень прошу тебя сообщить о его здоровье. Ему, бедному, не везет. Раз поломал ногу, а теперь имеет хлопоты с этими глистами. Как у него теперь с ногой? Вышел ли он от этого без последствий? Моя верная и дорогая жена!

Я безгранично рад, что ты имеешь заслуженную и спокойную старость. Вокруг тебя бегают, летают, смеются наши дорогие внуки и внучка. Этот прекрасный образ стоит перед моими

глазами, и охватывает меня безмерная радость. Аллах справедлив. Он каждому воздает должное. Ты вполне заслужила иметь такую счастливую и спокойную старость, и я твой буйный муж, преклоняюсь перед тобою с большою благодарностью за все, что ты дала нашим детям. Какой контраст!

Вокруг меня (вместо наших детей) кружится безжалостная тоска по Родине, и всех вас моих дорогих... Пишите и пишите.

Крепко и сердечно обнимаю и целую.

Ваш Соси

21/1-74 г.

МОЙ ДОРОГОЙ, МИЛЫЙ, ГОРЯЧО ЛЮБИМЫЙ ВНУК САФАР!

Ты не представляешь, как обрадовал горячо любящего тебя дедушку Соси. Твое письмо явилось полной неожиданностью. Я уже начал думать, что вы похоронили меня. Особенно, ты обрадовал меня сообщением, что моя старуха, а ваша бабушка держится хорошо. Судьбе было угодно, что мы постарели, похоронив нашу молодость. Надо с этим смириться. Поцелуй и обними ее за меня. Смотрите и берегите ее. Она достойна этого и совершенно заслуживает. Что вы все живы и здоровы, для меня важнее всего на этом свете. 1973 г. был для меня очень тяжелым и болезненным. Перенес операцию на желудке, очень тяжелую и серьезную. Сказались последствия ранения 1914 г. (первой войны), когда был ранен пулей «дум-дум» (так называли такую пулю). Убрали осколки. Кроме того ликвидировали непроходимость пищевода. Из-за того, что пища не доходила до желудка, ничего, кроме жидкости, не ел, физически был сильно ослаблен. Об этом подробно напишу позже, когда наладится наша связь. Жду письма со всеми подробностями. Всех вас крепко обнимаю и целую.

Ваш Соси

15/2—74 г.

МОЙ ДОРОГОЙ, МИЛЫЙ И ХОРОШИЙ ВНУК САФАР!

Я забывал писать моей Мадине, чтобы вас учили языкам. Еще остался Шахик, которому еще не поздно взять всю эту необходимую науку для каждого культурного человека. Английский, французский и немецкий прямо необходимо знать. Ты пишешь невнятно имя сына моего горячо любимого брата Арсамака, который умер.

В письме, где пишешь о смерти сына Арсамака целая строка перечеркнута и я только догадался об этом. Меня интересует все о вас. Я очень рад, что моя Леби хорошо поживает. Будьте внимательны к ней. Хотел бы вас видеть всех на общем снимке. Как вы сейчас выглядите? 1973 г. был для меня очень тяжелым. После операции чувствую намного лучше, но еще очень слаб физически. Я очень рад, что сын Орцхо женился. Имеет ли он детей. Напиши о моем дяде Ибрагиме Базоркине. Он, наверное, умер? Кто остался в живых в его семье? Вообще, подробно о семьях Бисултана и Исмаила Гайр-бековичей. Я слышал, Исмаил и Бисултан погибли? Всех без исключения крепко целую и горячо обнимаю.

Ваш Соси

30/7—74 г.

ДОРОГАЯ МОЯ ЛЕБИ!

Прошло больше десяти лет, как я получил твое письмо. Может быть это письмо ты получишь? Я перенес очень серьезную операцию на животе. Весь 1973 г. я болел. Теперь, после операции, чувствую неплохо, но физически очень и очень слаб. Все проходит в жизни человека, за исключением воспоминаний. Может быть и эта операция продлит на пару лет мою жизнь? Все в руках судьбы человека!

Я слышал, что ты живешь одна. Почему? Напиши мне подробно о своей жизни. Не думайте, что я забыл всех вас! Судьба меня закинула далеко от вас.

Осталось очень мало жить мне.

Хотел бы иногда иметь от вас весточки. Я никого не убил и не зарезал, а моя несчастная судьба, так жестоко наказывает меня. Не знаю, дойдет ли это письмо до тебя, но кончаю на этом.

Всех вас крепко целую и обнимаю. Хранит вас Аллах!

Ваш Соси

МОИ ДОРОГИЕ!

Много времени прошло, как не имею с вами связи. Может быть это письмо к вам — последнее? Так как здоровье мое в таком состоянии... Постарайтесь написать скорее, иначе может запоздать. Надеюсь еще получить весточку. Во всяком случае, очень прошу не вспоминать лихом!!!

Крепко всех вас обнимаю. Ваш Соси

P. S. Помните, сын Ибрагима Бапиовича Ужахова— Ахмет, был моим большим другом и много мне помогал на старости лет.

Ваш Соси

29/11—75 г.

ДОРОГОЙ МОИ СОСИ!

Я получила письмо о твоём тяжёлом состоянии. Оно меня глубоко расстроило до слез.

Всю жизнь находясь в ожидании встречи, мы крепко с тобой успели постареть. Постарели даже наши дочери. Раичке уже 55 лет, она на пенсии, а Мадине 51 год, ещё работает. Внуки наши уже выросли. Дочери наши живут своими семьями, а я хотя и одна живу, но всегда в центре их забот и внимания.

Мне так удобнее и лучше. В последнее время думая о тебе, всегда успокаивалась, будучи уверенной в твоей силе, мужестве и воли жизни. Это же помогло и мне. Я постаралась вырастить наших детей похожими на тебя и характером и своей порядочностью.

Я тоже стала часто недомогать и готовлюсь к тому, что ждёт нас всех. Что же поделать «...старость неотвратима, смерть неумолима».

Возле меня наши дочери, поэтому я радуюсь тому, что и возле тебя есть добрый и хороший человек Ахмет Ужахов. Передай ему мою большую благодарность за то тёплое участие, которое он принимает в твоей судьбе. Огромное человеческое ему спасибо, спасибо его семье, которая не забывает тебя. Посылаю тебе фотографии (5 шт.) наших детей последних лет. Посмотри, какие они у нас! Мурат и Сафар — студенты института. Марьямочка окончила университет. Шахбулатик учится в предпоследнем девятом классе школы.

Все твои племянники — холостяки переженлись.

У Орицо, от единственного сына, появилась внучка Фатима. У Арсамака четыре внука. Три внука Туган, Руслан и Заурбек от старшего сына, от второго сына Артаган.

Видишь, жизнь продолжается своим порядком. И наше с тобой совместное короткое пребывание оставило в ней свой след. Потомство наше гуманно, хорошие и чуткие дети. Я ими довольна. Это должно нам придавать силы, что не зря прожили на этом свете. Не падай духом, бодрись!

Большой привет Ахмету и его семье.

Твоя Леби

13/12—75 г. **ДОРОГИЕ МОИ!**

Письмо твоё, моя дорогая Леби не только порадовало, но довело до безумства, навяло разные фантазии в голову одинокого человека. Я восхищён и рад от души нашей единственной внучкой и тремя внуками. Мы с тобой оставляем красивый след нашей короткой супружеской жизни. Поблагодарим за это судьбу.

Я думал, что моя злая судьба издевается надо мной, а она начинает улыбаться над моей несчастной долей, так как дала мне таких детей...

Ты писала, что Марьямка окончила университет. Напиши о дальнейшей её жизни. Мухи выглядит очень бедно. Постараюсь помочь ему чем могу. Напиши подробно о них. Ихний отец Ахмет был нашим хорошим братом. Меня очень интересует, кто из близких наших остался в живых.

Хайбат, наверное, уже нет? Она была геройская женщина. Жив ли мой дядя Ибрагим? Как его дети? Напишите подробно о всех наших.

Крепко обнимаю всех вас.

Ваш Соси

P. S. Мои дорогие, красавица Марьям, brave внуки Хаджи-Мурат, Сафар и мой любимчик Шахбулат (Шахик)!

Спасибо вам за очень хорошую и дорогую для меня фотокарточку. Прямо не могу насмотреться на это прелестное фото.

Ещё раз, тысяча спасибо вам и целую вас крепко-крепко.

Будьте всегда здоровыми (самое главное) и бодрыми.

Любящий вас, ваш дедушка Соси.

Поздравляю вас всех и весь род моего отца Артага-на с наступающим 1976 годом!

Ваш Соси

16/12—75 г.

ДОРОГИЕ МОИ!

Поздравляю всех вас моих дорогих с наступающим Новым 1976 годом, а также всех моих дорогих потомков, моего отца Артагана.

Крепко всех обнимаю.

Ваш Соси

25/2—76 г. США

СЕМЬЕ СОЗЕРКО МАЛЬСАГОВА!

Сегодня утром 2.30, мы потеряли нашего дорогого и глубокоуважаемого Созерка.

Я и друзья по обществу, выражаем глубокое соболезнование и сочувствие всем близким и родным. Очень жаль, но ничего не поделаешь. Он был настоящий мужчина, ингушом, безмерно любившим свою родную землю, свой Кавказ. Но судьбе было угодно, лишив его всего самого дорогого, встретить смерть далеко от семьи одиноким, обессиленным стариком. Дай Аллах ему рай!!!

Ваш Якуб

25/3—76 г.

АХМЕТ, ЗДРАВСТВУЙ!

Я, младшая дочь Созерко Мальсагова, обращаюсь к тебе с просьбой сообщить нам о последних днях отца, где и как он похоронен и кем. Хочу знать все об одиноким моем старике-отце, безнадежно лишенного родины и семьи. Прошло более полувека, как это произошло, уже и, я успела состариться, так и не повидав его ни разу при жизни.

Жесткий рок, зло разлучивший нас, видимо преследует и теперь. Нам передали письмо Я куба Озиева, оповещающего о смерти отца, из США. Непонятно, почему не из Англии?

Большая к тебе просьба, окажи последнюю любезность — перешли все его и наши фотокарточки на мой адрес: СССР, ЧИ АССР, г. Грозный, ул. Розы Люксембург № 50 кв. 103. Мальсаговой Мадине Созеркоевне.

Буду тебе очень признательна. В своих, особенно последних письмах, отец писал только о тебе и твоей семье, окружавших его вниманием и заботой. Но, ни в одном письме он не упомянул об Озиеве Якубе. Правда ли, что Якуб оказывал ему систематическую помощь? Меня никогда не покидала надежда на встречу с моим незабвенным дорогим отцом.

Иллюзия эта окончилась, наконец, кончиной его вдали от всех нас, кому он был так безмерно дорог этот благородный человек.

Да, будет земля Англии, принявшая мужественного горца с Кавказа, легка ему, как пух. Большое великое всем вам спасибо.

Мадина

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие

Узник «острова крови и смерти»

От автора

ЧАСТЬ I. Из Батума на Соловецкие острова

Глава: 1. Белая гвардия на Кавказе

Глава: 2. Знаменитая «амнистия»

Глава: 3. Ужасы тифлисской тюрьмы

Глава: 4. Отправление на Соловки

ЧАСТЬ II. Соловецкие острова

Глава: 1. Предшественники Соловков

Глава: 2. От монастыря к лагерю

Глава: 3. Галерея чекистов

Глава: 4. Лагерь на Поповом острове

Глава: 5. Тирания уголовников

Глава: 6. Контрреволюционеры

Глава: 7. Жертвы ЧК: некоторые странные случаи

Глава: 8. Политические — привилегированный класс

Глава: 9. Участь женщин

Глава: 10. Иностранные узники

Глава: 11. «Смена кабинета»

Глава: 12. Повседневная жизнь, работа и пища

Глава: 13. Больничные ужасы

Глава: 14. Как делаются «полезные» граждане

Глава: 15. Как живут чекисты

ЧАСТЬ III. Наш побег

Глава: 1. Единственный путь на свободу

Глава: 2. Воплощение наших планов

Глава: 3. Наш побег: первый этап

Глава: 4. Ужасный переход

Глава: 5. Свобода

Приложение: Письма

Литературно-художественное издание

Созерко Мальсагов

АДСКИЕ ОСТРОВА

Зав. редакцией *В. Н. Котляров*

Художник *А. К. Царикаев*

Технический редактор *Л. И. Прокопенко*

Корректор *А. В. Здорик*

ЛР № 010238 от 27.04.92

Сдано в набор 08.09.95. Подписано к печати 27.11.95. Формат
84×108^{1/32}. Бумага офсетная № 2. Гарнитура литературная. Печать
высокая. Усл. п. л. 6,72. Уч.-изд. л. 6,43
Тираж 4000. Заказ № 2354

Издательский центр «Эль-Фа» Республиканского полиграфкомбината
им. Революции 1905 г.

Полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.

Миинформпечати КБР

Нальчик, пр. Ленина, 33

**Печатается по заказу М. С. Мальсагова,
который несет имущественную ответственность
за настоящее издание**